

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЕРДИКТ

2015 #1 (14)

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ФОНДА «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЕРДИКТ»

#прообщественная
социология

ГЛАВНАЯ ТЕМА

СОЦИОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ

Денис Волков

О «публичной социологии» в России 4

Виктор Воронков

Социолог в гражданском обществе 7

Адель Овакимян, Наталия Зоркая

Отношение к полиции в контексте доверия институтам 9

КОММЕНТАРИИ

ПОСТРЕФОРМА: ПРАКТИКА ПЫТОК И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Наталья Таубина 12 Роман Хабаров 14 Игорь Сажин 16 Александр Косс 17 Игорь Каляпин 18 Александр Брестер 19

Практика пыток и их преодоления. Оценка динамики ситуации за 10 лет 12

ДЕЛА

СВОБОДА СОБРАНИЙ

Егор Сковорода

Задержанные собрания свободных людей 21

Кристина Горелик

Спецприемник — не место для женщин 24

ДЕЛА

КЕЙСЫ ПРОТИВ ПЫТОК

Инесса Новикова

Стоимость права на защиту от пыток 27

Григорий Туманов

Противодействие пыткам 31

Марина Лепина

Градус унижения 33

Информационно-аналитический бюллетень
Фонда «Общественный вердикт»
Издается с 2004 г.

Подписано к печати 29 мая 2015 года
Формат 210 × 297. Печать офсетная
Тираж 500 экземпляров.
Отпечатано в типографии «Петровский парк»,
115201 Москва, 1-й Варшавский проезд, д. 1А, стр. 5
Тел/факс: (495) 641-5333

Редационный совет: Асмик Новикова, Олег Новиков, Наталья Таубина
Под общей редакцией: Асмик Новикова
Авторы: Александр Брестер, Денис Волков, Виктор Воронков, Кристина Горелик,
Наталья Зоркая, Игорь Каляпин, Александр Косс, Марина Лепина, Инесса Новикова,
Адель Овакимян, Анатолий Папп, Игорь Сажин, Егор Сковорода, Григорий Туманов,
Роман Хабаров
Корректор: Галина Година
Дизайн и верстка: Валентин Вознесенский
Обложка: Использованы картины Казимира Малевича «Спортсмены» (1931 г.)
и «Девушки в поле» (1928–1929 гг.)

НАТАЛЬЯ ТАУБИНА,
директор Фонда «Общественный вердикт»

Дорогие читатели!

Рады приветствовать вас на страницах нашего Бюллетеня. Традиционно каждый выпуск мы посвящаем одной теме. В этот раз мы решили обсудить роль социологии в общественной жизни. Для Фонда «Общественный вердикт» исследовательская деятельность крайне важна. Она позволяет глубже взглянуть на практики работы правоохранительных органов, увидеть и проанализировать причины проблем с соблюдением прав человека и предложить рекомендации, направленные на совершенствование правоприменительной практики в современной России. В своей работе мы базируемся не только на массовых опросах общественного мнения. Наши исследования включают анализ разнообразной информации, мы используем методы качественной социологии (глубинные и экспертные интервью). Основной наш принцип — идти к носителям информации, к правоприменителям — и таким образом получать информацию из первых рук. Так, мы изучали стандарты работы Следственного комитета, в частности — проблемы эффективности расследования преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов. Еще одно направление исследований касается систем управления и оценки в органах внутренних дел и их влияния на соблюдение прав человека в работе полиции.

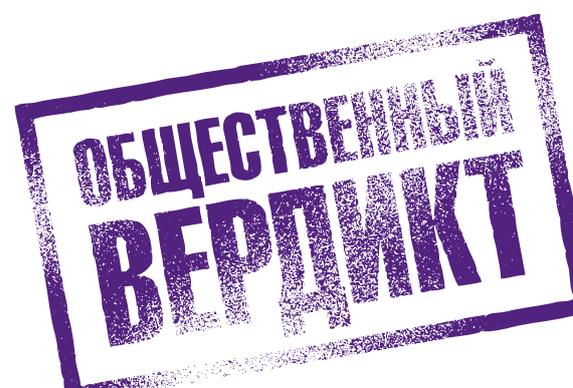
В последние месяцы нас часто спрашивают, отразилось ли решение Министерства юстиции включить Фонд «Общественный вердикт» в реестр НКО, выполняющих функции иностранных агентов, на возможностях проводить исследования. С сожалением мы вынуждены констатировать, что отразилось. И не только на исследовательской деятельности, но и на возможностях реализации других программ с участием представителей власти. Сократились возможности доступа к сотрудникам правоохранительной системы, уже сейчас госчиновники проявляют осторожность в коммуникациях с «иностранными агентами», а порой и просто отказываются от них. Более того, обсуждаются законодательные инициативы о введении прямого запрета на взаимодействие чиновников любого уровня с представителями таких организаций, а также на сбор и анализ информации о правоохранительной деятельности. Если эти инициативы будут реализованы, исследовательская деятельность правозащитных организаций и дальнейший переговорный процесс с представителями власти о мерах по обеспечению прав и свобод, гражданский контроль за реализацией этих мер станут невозможны для правозащитных НКО, включенных в реестр «иностранных агентов».

Именно поэтому нам показалось актуальным именно сейчас на страницах Бюллетеня обсудить важную роль соци-

ологии в общественной жизни, возможности ее влияния на общественно значимые изменения и перспективы.

Бюллетень традиционно содержит рубрику «Дела», в которой журналисты рассказывают о наиболее важных делах Фонда. В этом выпуске вы найдете истории не только о делах по пыткам и жестоком обращении. Мы публикуем статью о сегодняшней правоприменительной практике, связанной с реализацией права на свободу собраний.

Надеемся, что материалы Бюллетеня будут для вас и интересны, и полезны.

Г л а в н а я т е м а

Для чего нужна социология — вопрос не праздный. Она нужна прежде всего обществу, которое ставит вопрос о самом себе и готово себя изучать. То есть социология — это наука, которая требует усилий не только самих социологов, но и людей, способных подвергнуть рефлексии самих себя и свое поведение. Если этого не происходит, то общество довольствуется опросными данными в самом очищенном от смысла выражении — в цифрах, и со временем начинает понимать под социологией опросы общественного мнения, то есть социологию подменяют одним из методов сбора данных. А сами социологи либо соглашаются с этим, либо уходят в интеллектуальный клуб и производят исследования, не находящие аудитории для восприятия. За исключением таких же коллег, участников клуба. Публичная социология идет дальше и не ограничивается тем, чтобы рассказать людям о результатах исследований. Публичная социология требует действия, а именно включения результатов исследований в преобразовательные практики. В определенном смысле замысел любого исследования и его исполнение уже несет в себе элемент трансформации. Мы в Фонде «Общественный вердикт» могли не раз в этом убедиться, проводя исследования в области правоприменения. Трансформация происходит хотя бы за счет того, что целевая группа — полицейские, следователи, судьи, прокуроры — включается в процесс исследования и вместе с исследователями ищет, или хотя бы пытается искать, ответы на вопросы. Может ли публичная социология или социология в общественных интересах разомкнуть добровольную изоляцию социологов, преданных науке? С нашей точки зрения, может, и опыт коллег — Левады-Центра и Центра независимых социологических исследований, а также, как нам хотелось бы думать, нашего фонда — говорит о том, что социология может «расколдовывать» реальность и давать людям инструменты для изменения практики.

ДЕНИС ВОЛКОВ

социолог Левада-Центра

О «публичной социологии» в России

Термин «публичная социология» сформулировал в середине прошлого века американский социолог Чарльз Миллс. Но наибольшую известность это понятие приобрело в середине нулевых годов после того, как Майкл Буравой — новый президент Американской социологической ассоциации — посвятил этой теме свое обращение к членам ассоциации в 2004 году. Потом выступление легло в основу статьи «За публичную социологию»¹. В России о «публичной социологии» заговорили после выступления Буравого на конференции в Санкт-Петербурге в 2007 году и последующего выхода статьи «Приживется ли публичная социология в России?»² в журнале *Laboratorium*.

Майкл Буравой отделяет «публичную социологию» от трех других: профессиональной, прикладной и критической. Профессиональная социология занята изучением общественных проблем и обращается при этом в первую очередь к академическому сообществу,

она существует в рамках профессиональных конференций и семинаров, на страницах академических журналов. Критическая социология также обращается к академической аудитории, но

и является эксклюзивным владельцем полученных результатов. Публичная социология отличается от критической и профессиональной тем, что обращается не к академическому сообществу

Публичная социология обращается не к академическому сообществу (и в этом она похожа на прикладную), а к широкой общественности

направлена на критику методов социологических исследований и существующих интерпретаций. Прикладная социология, в свою очередь, существует для заказчика (и на его деньги), который определяет исследовательские цели

(и в этом она похожа на прикладную), а к широкой общественности. Как и критическая, публичная социология занимается производством рефлексивного знания, осмыслением действительности ради общественного блага.

Поэтому в числе задач публичной социологии — написание текстов простым и понятным языком, доступным для специалистов из других сфер, а также привлечение не-социологов к обсуждению и интерпретации общественных проблем и даже попытка наладить диалог исследователя и его респондентов. В России одними из наиболее последовательных приверженцев такого подхода можно назвать, например, социологов-неомарксистов, объединившихся некогда вокруг Института коллективного действия (ИКД), которые изучают политический и протестный активизм в нашей стране. Сам профессор Буравой³ на протяжении своей социологической карьеры также смотрит на мир через призму трудов К. Маркса об обществе.

Несмотря на призыв к активному вовлечению непрофессионалов в дискуссию о результатах социологических исследований, Буравой предостерегает: «...в стремлении к популярности публичная социология склонна потакать и льстить своим аудиториям, своим группам общественности и таким образом компрометирует то, чему привержены социологи в профессиональном и критическом аспектах». Еще более строги в этом

Майкл Буравой, социолог, автор «манифеста» «За публичную социологию»

ного участия непрофессионалов в социологических исследованиях развернулись отнюдь не вокруг исследований «левого» ИКД (объединившего как раз специалистов), но по поводу «социологической

ченными результатами в политических целях.

Возможно, правильнее было бы говорить не о какой-то отдельной «социологии» (публичной, критической и проч.), а о соответствующей характеристике социологической дисциплины. Ведь даже тексты и выступления самого Майкла Буравого обращены прежде всего к профессиональным и академическим социологам. То есть, заниматься «публичной социологией» он призывает именно профессионалов, получивших соответствующее образование, использующих необходимые исследовательские методы, принадлежащих к сообществу социологов. Упоминание Буравым социологического сообщества представляется неслучайным. С одной стороны, важно, признан ли исследователь социологическим сообществом. Не менее важно и то, определяет ли человек сам себя как социолога, соотносит ли самого себя с социологическим сообществом, его принципами и стандартами, следует ли им на практике. При этом Американская социологическая ассоциация⁶ насчитывает более 14000 членов, из которых пятая часть работает вне академического сообщества — в правительстве, бизнесе и некоммерческих организациях. В России же самостоятельной социологической организации, сопоставимой с американской по масштабам и признанию, нет, как нет и единого социологического сообщества. Может быть, поэтому здесь

Как раз в независимых исследовательских коллективах следовали многим принципам «публичной социологии» задолго до призыва профессора Буравого

вопросе критики Буравого. Так, другой американский социолог, Мэтью Дефлем, настаивает, что социологи могут быть публичными только как представители науки, которой они занимаются, но не как политические активисты. Публичная социология, которую продвигает профессор Буравой, по его мнению, излишне политизирована, и это низводит ее до «активистской социологии», прежде всего левого толка. Круг же тем социологической дисциплины намного шире. (Подробнее смотри открытое письмо Дефлема⁴ в ответ на упоминавшееся выступление Буравого).

Интересно, что в российских реалиях ожесточенные споры по поводу возмож-

службы ФБК» Алексея Навального (который идеологически находится скорее справа; и этот факт еще более расширяет поле для критики Дефлема). При этом «волонтерскую», или «партизанскую», социологию Навального представители российского профессионального социологического сообщества, в том числе и автор⁵ этого текста, критиковали не столько за непрофессионализм исполнителей и возможные непреднамеренные неточности измерений (Левада-Центр, например, в некоторых своих проектах использует помощь волонтеров), сколько за политическую ангажированность и сознательное манипулирование полу-

проще назваться социологом без принятия на себя обязательств, которые имеют специалисты перед дисциплиной, сообществом коллег и своими респондентами.

Когда Буравой пишет о том, приживется ли публичная социология в России, он ставит вопросительный знак. Несмотря на то что свой доклад, который лег в основу указанной статьи, он делал в Центре независимых социологических исследований, автор ничего не говорит о российских негосударственных исследовательских организациях, ограничиваясь лишь несколькими нелестными упоминаниями академической среды — социологического факультета МГУ и Института социологии РАН. Но как раз в независимых исследовательских коллективах следовали многим принципам «публичной социологии» задолго до призыва профессора Буравого. Кроме упоминавшегося ИКД можно вспомнить команду старого ВЦИОМа (сегодня она продолжает работу в Левада-Центре) под руководством Т. Заславской, которая с самого начала основополагающим принципом своей работы считала информирование широкой общественности о результатах своей работы. Это зафиксировано, например, в методических документах к исследовательской программе «Мониторинг социально-экономических перемен». Установка на рефлексию по поводу полученных опросных данных отразилась в девизе левадовского ВЦИОМа: «От мнений — к пониманию». Такие неправительственные организации, как «Общественный вердикт», выносят суждения о положении дел в российском обществе на основании собственных регулярных социологических исследований. Интересно упомянуть здесь и о проекте «Открытое мнение», объединившего социологов разных институций ради того, чтобы дать независимую публичную оценку работе российских центров изучения общественного мнения в конце нулевых. Серия электоральных опросов, проведенных этой группой, — к удивлению части участников — тогда совпала с результатами ведущих полстеров.

Представляется, что участвовавшие споры вокруг социологических исследо-

ваний невозможно объяснить в отрыве от процессов, происходящих в российском обществе. С одной стороны, со второй половины нулевых прослеживается пусть медленный, но отчетливый рост общественной активности, который нашел свое выражение в росте благотворительности, движениях за обустройство городской среды, контролю за избирательными правами (движение наблюдателей) и т. п., и, наконец, в гражданских протестах 2011–2012 годов. Активные слои стали проявлять интерес к происходящему вокруг них, возникла потребность изучать и понимать происходящее. В свою очередь распространение интернета и социальных сетей, среди молодежи почти поголовное, облегчило объединение по самым разным вопросам и вместе с тем принесло простые и доступные инструменты для проведения различного рода опросов. Голосования в социальных сетях, на сайтах газет и радиостанций стали обычным делом.

проводить каждый — к чему профессиональные социологи?

При этом часто встречается распространенное мнение о том, что социология исчерпывается получением опросных данных, требующих минимальной интерпретации. Однако последующая рефлексия и глубокое нетривиальное понимание текущих общественных процессов порой оказывается даже более сложным делом. В России исследователи часто оказываются зажатыми между ведомственной цензурой, карьерной самоцензурой, жесткими требованиями коммерческого или политического заказчика, а также установками своего ближайшего круга, которые могут отличаться от установок других общественных групп и большинства населения. На рефлексию может просто не хватать времени и ресурсов. Понимание социологии как науки как раз и требует от исследователя не подгонять данные под собственные

«Демократизация» опросного инструмента принесла с собой иллюзию простоты.

При этом часто встречается ошибочное мнение, что социология исчерпывается получением опросных данных, требующих минимальной интерпретации

Подобная «демократизация» опросного инструмента принесла с собой иллюзию простоты. Излишне говорить, что о соблюдении методологических правил построения выборки, случайности отбора респондентов и прочих требований математической статистики задумываются мало. А если опросы может

представления о действительности или требования предвыборного штаба кандидата, но измерять, описывать и интерпретировать происходящее. Тот же Майкл Буравой, обращаясь к российской аудитории, призывает социологов оставаться прежде всего исследователями, а не пропагандистами. ■

⁶ <http://www.asanet.org/about/mission.cfm>

¹ <http://publicsphere.narod.ru/Burawoy.pdf>

² <http://cyberleninka.ru/article/n/prizhivetsya-li-publichnaya-sotsiologiya-v-rossii>

³ <http://burawoy.berkeley.edu/>

⁴ <http://deflem.blogspot.com/2004/08/letter-to-editor-proper-role-of.html>

⁵ <http://echo.msk.ru/blog/denisvolkov/1155088-echo/>

ВИКТОР ВОРОНКОВ

директор Центра независимых социологических исследований, Санкт-Петербург

Социолог в гражданском обществе

Мауриц Эшер «Столкновение», 1944 г.

ЧТО ТАКОЕ ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Для меня это то же, что и в понимании Майкла Буравого: включение социолога в развитие гражданского общества. Это работа на гражданское общество, то есть предоставление результатов исследований не государству, а гражданскому обществу — гражданским активистам, активным НКО, которые куют светлое будущее в борьбе с (нашим) государством. Поскольку социолог всегда критически относится к власти, то как гражданин он, естественно, склонен поддержать тех, кто

участвует в протестных движениях, например.

Социолог одновременно и профессионал, и гражданин. И его главная проблема — дистанцироваться от себя как гражданина и профессионально заниматься исследованиями. И вот, когда он провел исследование («забыл» о своей гражданской позиции), социолог эти результаты комментирует, интерпретирует для общества, сообщает, как эти данные, с его точки зрения, надо понимать. И дальше он уже в первую очередь гражданин. Более того, он — просвещенный гражданин, информированный, поскольку он

обладает полученной в исследовании информацией. И, опираясь на свои познания, уже может как гражданин выступать, информируя других граждан о том, как развивается общество.

Публичный социолог обязательно объясняет, как правильно понимать то, что он опубликовал. Конечно, здесь есть свои трудности, и мы всегда говорим о двойной рефлексивности. Мы должны все время размышлять над своей собственной позицией в процессе исследования. Каким образом мы можем нивелировать нашу ангажированность? Вероятно, полностью это невозможно, но к этому надо стремиться.

РИСКИ МАНИПУЛЯЦИИ РЕЗУЛЬТАТАМИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Мы охотно наши данные публикуем, но мы никому не навязываем результаты наших исследований. Власти могут воспользоваться их результатами. Но мы должны очень подробно сказать, как можно понимать наши результаты, и предупредить о манипуляциях.

О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

Я думаю, что мы как социологи должны обратить внимание на то, что нам не нравится работать в той ситуации, в которую нас поставил режим. И поэтому мы охотно становимся гражданами, причем протестными гражданами, участвуем в протестных движениях вместе с активистами. Потому что я хочу жить в таком обществе, в котором я могу исследовать, что хочу, писать, что я хочу, я не должен заниматься самоцензурой, не должен каждый день ожидать прихода «Центра Э», который меня будет обвинять в каком-нибудь экстремизме. Сейчас меня ограничивают в моей профессиональной деятельности со всех сторон: со стороны Минюста, со стороны МВД, со стороны кого угодно. А я свободный ученый, хочу заниматься тем, чем я хочу, потому что в моей науке границ нет. Например, меня объявили иностранным агентом. Кем угодно меня считайте, но не мешайте мне работать. Но то, что меня объявили иностранным агентом, означает, что мне закрыты почти все поля в стране.

ЗАДАЧИ ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Если грубо разделить всех социологов, то подавляющее большинство — это те, кто обслуживает власть. Из самых разных побуждений: это не обязательно сервильность, это может быть искреннее желание внушить власти, чтобы она улучшала общество, чтобы она создавала правила, удобные для жизни людей, чтобы она ликвидировала неравенство, не углубляла социальную несправедливость. Большинство социологов уверены в том, что именно это власть будет делать, поэтому вся социология, или почти вся, нацелена на благородную цель — улучшить власть. Все это приводит к совершенно обратным результатам, т. к. власть социологов не слушает. И часто правильно делает, что не слушает, потому что социология сегодня воспринимается

После принятия поправок в закон об НКО неизвестные раписали здание общества «Мемориал» надписями «Иностранный агент»

ется и властью и обществом как просто опросы общественного мнения.

Обслуживание власти — это была задача советской социологии. Других не было у нее задач. Но сегодня социология воспринимается так же, поскольку явно или неявно заказчиком является власть. Например, через формирование так называемого социального заказа, который непосредственно может формулироваться властью, а может просто носиться в воздухе, но в дискурсе, который навязан властью.

Самая главная наша задача — вносить в дискуссию новые темы, актуальные. На поле коммуникации, в публичном пространстве мы все время конкурируем с государством. И мы должны не то что вытеснять государство, мы должны заставлять его вести диалог на те темы, на которые оно (государство) не хочет их вести, или оно готово это делать в определенном дискурсе, который само же и формирует. Это то же самое, что делали диссиденты, которые требовали от советского государства обсуждать некоторые темы, которые то считало неуместными для обсуждения.

То же самое сегодня. Социолог должен выносить в публичную дискуссию темы, которые он считает важными, для того чтобы общество рефлектировало по поводу самого себя.

Дискурс овладевает массами. Юрген Хабермас говорил, что система колонизирует жизненный мир людей. Она навязывает людям определенный дискурс,

представления о том, как надо говорить, о чем надо говорить, из каких перспектив. Любого человека спроси, и он скажет, например, что быть патриотом хорошо или что все люди делятся на этнические группы. И это выглядит для всех аксиоматичным. А то, что патриотизм и национализм суть синонимы, или то, что всего пару веков назад ни о какой этничности (национальности) даже не ведали, даже не обсуждается. Социолог же задает вопросы по поводу самых очевидных вещей. Это нормальная его работа. И наша задача — прорвать границу уместных тем для дискуссии или уместного способа говорить о каких-то вещах. Я считаю, что это и есть публичная социология.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

Я не вижу никаких этических проблем в том, чтобы использовать результаты собственных исследований. Когда исследование завершено, я могу выступать, как и любой гражданский активист, однако вооруженный некоторым знанием, которого, возможно, нет у большинства. Наша этическая проблема только одна — не навредить людям. В первую очередь нашим информантам, конечно.

ПОЛЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИСКУССИИ

Где эти публичные места, где мы можем выступить и сказать то, что мы хотим? Государство, конечно же, не даст разви-

АДЕЛЬ ОВАКИМЯН, НАТАЛИЯ ЗОРКАЯ

аналитический центр Юрия Левады

Отношение к полиции в контексте доверия институтам

На волне патриотического подъема 2014 года доверие к государственным институтам резко возросло и к каждому из них — от президента до суда — достигло исторического максимума за двадцать лет наблюдений. Крымская история и сопутствовавшая ему беспрецедентная для новейшей истории России информационная антиукраинская и антизападная кампания привели к массовой мобилизации в поддержку высшего руководства, выдвинув на первый план унаследованные от советской эпохи комплексы великой державы, «осажденной крепости», внешнего и внутреннего врага, не преодоленные общественным сознанием в постсоветский период.

С момента присоединения Крыма в общественном мнении царит небывалое единодушие. Хроническое недовольство положением дел в стране, работой основных социальных институтов и относительно низкое доверие прежде всего правоохранительным органам и судебной системе, нараставшее с 2008 года, оказались вытесненными на периферию общественного сознания.

Опросы общественного мнения последних полутора лет показывают доминирование «агрессивно-послушного большинства», почти полное исчезновение альтернативной, критической позиции по отношению к положению дел в стране, свидетельствуют о широком воспроизводстве патерналистской модели отношений с государством.

Дифференциация мнений по таким, прежде «работавшим» социально-демографическим показателям, как тип поселения («центр — периферия»), социальный и потребительский статус, образование и квалификация, предстает в актуальном общественном мнении в чрезвычайно стертом виде. Мы наблюдаем рост поддержки силовых, правоохранительных и судебных институтов, начиная примерно с всплеска протестных движений, и резкий подъем показателей после крымской кампании, хотя иерархия доверия при этом в основном сохраняется.

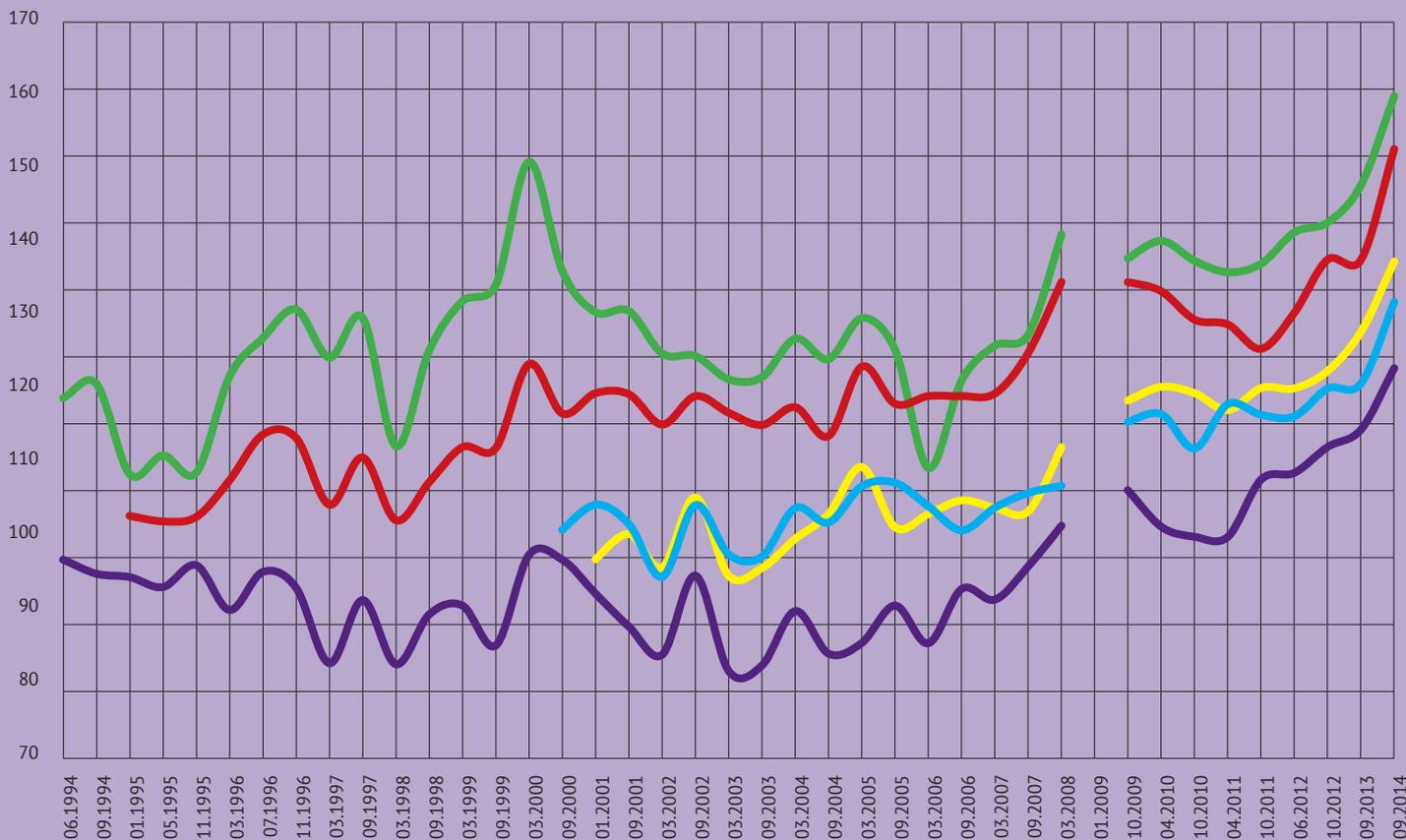
При этом нужно понимать, что высокое декларируемое доверие к правоохранительным институтам отнюдь не свидетельствует о высокой оценке их деятельности — в частности, оценка способности правоохранительных органов и суда защищать права и интересы обычных граждан ниже, чем показатели доверия к ним.

ваться никаким организациям, которые под носом у него разрабатывают какие-то нелояльные идеи. И если оно не может добавить «иностранным агентством» или «нежелательностью», оно будет давить невозможностью высказывать свои взгляды. Все идет к тому, чтобы выдавить нас из публичного пространства. Уже сейчас все труднее найти людей, которые еще колеблются и не определились со своей позицией. Я обратил внимание, что в Сети возник страх высказывания, самоцензура. Я думаю, что мы напрасно рассчитываем на увеличение своей аудитории. Поэтому я предполагаю, что мы как социологи скорее должны размышлять над тем, как влиять на тех, кто готов нас слушать, и уже их задача — мобилизовать массы. Это типичная задача общественных движений.

ГРАНИЦЫ ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Мы публикуем наши результаты — читайте все. Государство читай, гражданское общество читай. Но гражданскому обществу мы готовы еще разъяснить и сами вместе с ним поучаствовать, придумать какое-то решение исследуемых проблем. Это решение я как социолог адресую активистам, которые хотят изменить практики в ту сторону, в какую и я считаю правильной. **Социология может выступать как инструмент изменения практики, но только если общество готово вооружиться этим инструментом.** ■

Доверие институтам. В какой мере, на ваш взгляд, заслуживает доверия..?

ДОВЕРИЕ ИНСТИТУТАМ

Полиция предстает в ряду других силовых и правоохранительных институтов как наиболее близкий повседневному существованию граждан институт. Про полицию знают больше, чем, скажем, про судебную систему, в силу более частого и разнообразного опыта взаимодействия с ней. Поэтому можно предположить, что деятельность полиции оценивают более реалистично по сравнению с оценкой других правоохранительных и силовых структур, т. к. они имеют другую природу: наряду с церковью эти структуры символически легитимируют для подавляющего большинства власть и традиционно пользуются относительно высоким доверием. Даже на фоне событий 2014 года, когда декларируемое доверие всем государственным структурам резко возросло, полиция осталась на последнем месте, и изменение этого показателя было наименьшим по сравнению с армией и органами госбезопасности, взлет доверия к которым был куда более стремительным. Другими словами, оценка деятельности полиции по сравнению с прочими институтами больше связана с реально происходящими изменениями в сфере охраны правопорядка и относи-

тельно меньше – с общими колебаниями конъюнктуры. Впрочем, эти изменения не обязательно объясняются непосредственно действиями полиции.

Даже на фоне событий 2014 года, когда декларируемое доверие всем государственным структурам резко возросло, полиция осталась на последнем месте.

Показатели доверия к правоохранительным органам и полиции могут формироваться не только на основании конкретных оценок их работы, но и зависеть от общественных ожиданий. Так, в 2011 году совокупный эффект от электоральной мобилизации поддержки власти сказался на росте доверия ко всем государственным институтам, включая полицию. Рост доверия к полиции не связан с «реформой и ожиданиями» – это именно эффект роста поддержки высшего руководства.

Помимо общей оценки доверия в рамках замеров отношения к различным институтам Левада-центр проводит совместно с Фондом «Общественный вердикт» расчет Индекса доверия полиции – интегрального показателя, отражающего восприятие полиции в разных аспектах. Частными компонентами Индекса являются оценка деятельности полиции (вопросы «Удовлет-

ворены ли вы в настоящее время работой полиции вашего города/района?» и «Способна ли полиция вашего города/района защитить вас/вашу семью от преступников?»), отношение к полиции (вопросы «Доверяете ли вы работникам полиции вашего города/района или, напротив, относитесь к ним с недоверием?» и «Какие чувства вызывают у вас работники полиции вашего города/района?») и готовность к сотрудничеству с полицией (вопросы «Должны ли граждане помогать полиции в ее работе?», «Если вы станете свидетелем избиения, ограбления, кражи и т. п. случаев насилия, вызовете ли вы полицию или нет?» и «Если вы станете свидетелем дорожно-транспортного происшествия или преступления, дадите ли вы полиции свидетельские показания?»).

ИНДЕКС ДОВЕРИЯ ПОЛИЦИИ И ЕГО КОМПОНЕНТЫ

Индекс доверия полиции и все его частные компоненты достигли максимума в июне и с тех пор медленно снижаются, что свидетельствует о прохождении пика «эйфории» и постепенном возврате к более трезвой оценке происходящего. При этом оценка деятельности

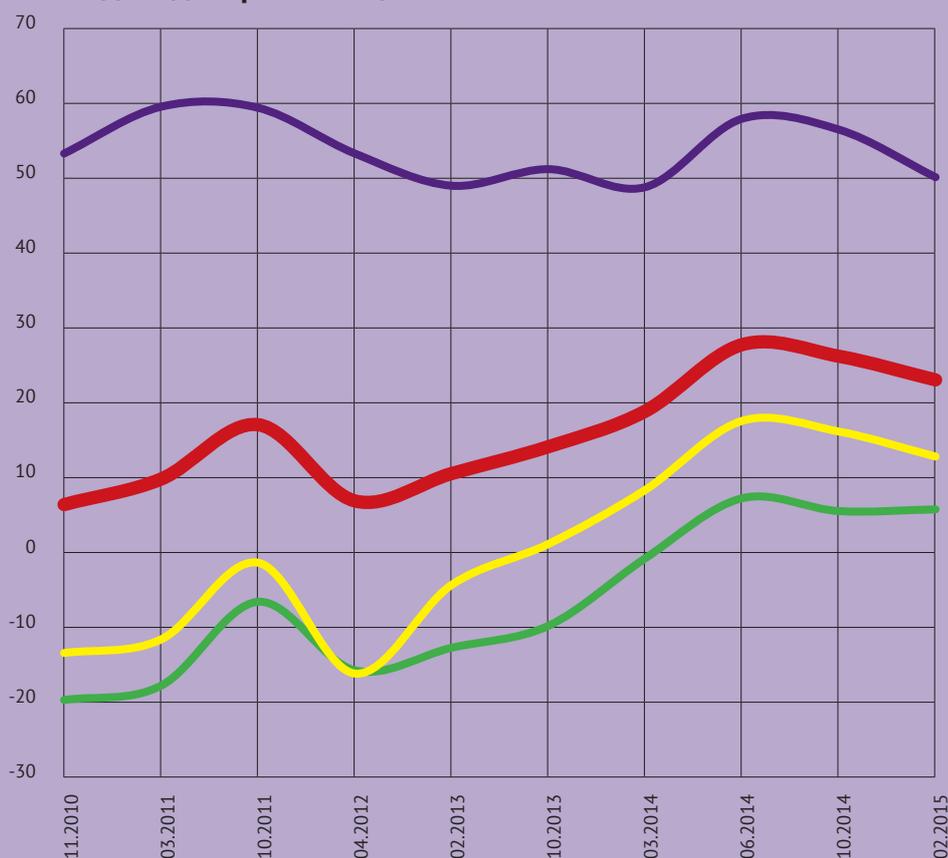
Доверие институтам

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600. Индексы рассчитаны по формуле $A+0,5*B+C+100$, где А, В и С — процентные доли ответивших «вполне заслуживает», «не вполне заслуживает» и «совсем не заслуживает» соответственно.

- Армия
- Органы госбезопасности
- Полиция
- Прокуратура
- Суд

Индекс доверия полиции и его компоненты
N=1600

- Оценка деятельности полиции
- Отношение к полиции
- Готовность к сотрудничеству с полицией
- Индекс доверия полиции

Индекс доверия полиции и его компоненты

и отношение к полиции — более чувствительные к конъюнктуре маркеры — остаются относительно высокими, что связано с возросшей за минувший год поддержкой силовых структур на фоне ярко выраженных изменений курса российской внешней (и внутренней, все более репрессивной) политики, хотя это и декларативные оценки. В этом смысле готовность к сотрудничеству с полицией является более показательной для реальных оценок деятельности полиции, так как она ближе к повседневной жизни респондента, а она вернулась на уровень начала прошлого года.

Если говорить о разнице в отношении к полиции среди различных групп населения, то здесь мы наблюдаем картину, сильно отличающую полицию от прочих государственных институтов. В показателях по любым другим государственным органам принципиальная структура отношений не меняется в подгруппах, речь может идти только об интенсивности выражения того или иного отношения у разных категорий респондентов, а не о разных оценках: если что-то оценивается хорошо, то это оценивают хорошо люди разного пола, возраста, уровня образования, материального достатка и социального положения. В случае

же полиции встречаются диаметрально противоположные оценки у мужчин и женщин, бедных и богатых, руководителей и обычных служащих. Так, хуже всего относятся к полиции, оценивают ее деятельность и в наименьшей степени готовы с ней сотрудничать самые депривированные категории населения: люди с низким потребительским и социальным статусом, безработные. Будучи социально незащищенными, они ощущают себя и более беззащитными, в том числе перед произволом правоохранительных органов. По мере повышения материального, социального, профессионального положения все оценки улучшаются, и здесь выделяются только те, кто высоко оценивает свой социальный статус — к сотрудничеству с полицией они готовы даже меньше, чем причисляющие себя к низшему социальному слою. Также стоит отметить, что на вопросы об удовлетворенности работой местной полиции и доверии к ней, а также ее способности защищать от преступников мужчины дают скорее отрицательные ответы, в то время как женщины — положительные. Мужчины не только предъявляют более высокие требования к работе полиции, но и, будучи более тесно взаимодействующими с ней — например, они чаще

бывают задержанными, — имеют более ясное представление о работе местных органов защиты правопорядка.

Близость деятельности полиции к повседневной жизни россиян позволяет рассчитывать на то, что рост доверия связан не только с декларациями, но и с реальными изменениями в сфере охраны правопорядка.

На протяжении последних пяти лет количество доверяющих полиции неровно, но устойчиво росло. С одной стороны, это можно объяснить мобилизацией массового сознания, которое порождает механизмы поддержки власти, агентом которой респонденты в том числе видят полицию. С другой стороны, близость деятельности полиции к повседневной жизни россиян позволяет рассчитывать на то, что рост доверия все же не только связан с декларациями, но объясняется и реальными изменениями в сфере охраны правопорядка. Различия между разными группами населения также свидетельствуют о том, что тема вызывает рефлексию — респонденты дают собственные оценки, а не высказывают нейтральную и социально одобряемую точку зрения, как это бывает, когда человек отвечает на вопросы о том, что его мало касается или интересует. ■

Основной этап реформы полиции официально начался в конце 2009 года и закончился в 2012 году, далее МВД приняло Дорожную карту дальнейшего реформирования и методично пытается ее исполнять. Следственный комитет, возникший в 2007 году как относительно автономная структура прокуратуры, уже в 2010 году стал самостоятельным органом, но «при Президенте». Гуманизация тюрем — официальное наименование программы реформирования пенитенциарной системы. Таким образом, основные правоохранительные службы в стране реформируются как минимум последние пять лет. Все эти годы правозащитные организации, в том числе наш фонд, защищают людей, пострадавших от пыток и жестокого обращения. У правозащитников на руках материалы официальных разбирательств по делам, а это не только «надежная информация», но и прямой опыт столкновения с проблемой пыток.

Мы решили попросить экспертов по правам человека и правоохранительным органам, практикующих юристов, адвокатов высказать свое мнение о том, как решается проблема пыток (если решается), каких результатов удалось достичь и каковы причины этих изменений. Опрос экспертов проводил **Анатолий Папп**, редактировала интервью **Асмик Новикова**.

Практика пыток и их преодоления. Оценка динамики ситуации за 10 лет

НАТАЛЬЯ ТАУБИНА

директор Фонда «Общественный вердикт»

ПЫТКИ: ДИНАМИКА, РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ

Я могу говорить только на основе тех дел, которые к нам поступают. Официальной статистики нет, т. к. в Уголовном кодексе нет пыток как отдельного должностного преступления. А статистика по 286-й статье — «превышение должностных полномочий» — в нее попадают не только пыточные дела, но и другие. Там трудно понять, какова доля именно пыточных дел.

Если оценивать динамику, то нужно понимать ее условность. Например, мы взяли первое дело в Ярославской области, начали по нему работать, пошла об этом информация, и к нам стали поступать обращения из Ярославской области. Это не говорит о том, что там пыток стало больше, это говорит о том, что люди стали узнавать, как к нам обратиться.

Если в целом и очень огрубленно, я, к сожалению, не вижу положительной динамики. Если десять лет назад к нам регулярно поступали обращения от людей, пострадавших от пыток и жестокого обращения, то такие обращения поступают регулярно и сейчас. В 2004–2005 годах были случаи, когда пыткам и жестокому обращению подвергались массово, как, например, дело Сочинского ОМОНа или же дела в Тверской области, на Урале, на Дальнем Востоке. Сводные мобильные группы зародились тогда, со случая массового избияния людей в башкирском Благовещенске в 2004 году, и первая мобильная группа туда поехала. И потом этот метод сводных выездных групп юристов и информационщиков практиковался еще два года. Потом такие массовые случаи прекратились, во всяком случае, до нас информация не доходила. Кавказ — это отдельная история.

Но в 2012 году прогремел случай в отделе «Дальний» в Казани, в январе 2012 года в отделении полиции в Санкт-Петербурге погиб мальчик-подросток — это все случаи, когда насилие, изощренные пытки приводили к смертям людей. Нельзя сказать, что смерти в полиции произошли только в 2012 году, они происходили и раньше. К сожалению, и у нас дела со смертельными исходами были и раньше. Резюмируя, я бы сказала, что нет тенденции к уменьшению случаев насилия и пыток. Практика, при которой одним из методов расследования преступлений является насилие, пытка, продолжает существовать и быть достаточно распространенной, так же, как и практика применения силы с целью демонстрации власти.

Из обращений, которые поступают к нам, мы видим, что стало больше случаев пытки электротокком. Пытают извращенно. Это бывало и раньше, но сейчас, по

моим ощущениям, это стало чаще. У нас последние два дела Мерехи и Демерчяна, которых, проще говоря, изнасиловали. Но при этом есть и «дубовые» методы — побить ногами в живот, отбить селезенку. Это гематомы, разрывы внутренних ор-

ганах, сотрясение мозга, переломы ребер, челюстей, травмы позвоночника. Это именно сила. Но при этом есть и такие вещи, как электроток и изнасилования.

Практика, при которой одним из методов расследования преступлений является насилие, пытка, продолжает существовать и быть достаточно распространенной

ганах, сотрясение мозга, переломы ребер, челюстей, травмы позвоночника. Это именно сила. Но при этом есть и такие вещи, как электроток и изнасилования.

Электроток, палки, унижения — все это применяется, чтобы довести человека до состояния, когда он готов взять на себя ответственность за преступления, которые он не совершал, написать явку с повинной или просто признаться в преступлении. А если побои, то это может быть просто демонстрация власти.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПЫТОК

Одна из основных причин, не единственная, почему практика пыток продолжает существовать и быть довольно распространенной, связана с низким качеством расследования жалоб на пытки. Если смотреть на постановления Европейского Суда, то практически в каждом деле, где предметом разбирательства становится пытка, также признают нарушение и отсутствие эффективного средства правовой защиты. А в делах, которые находятся в производстве фонда и которыми мы занимаемся, за редкими исключениями можно говорить о том, что расследование было проведено эффективно, в соответствии с основными стандартами эффективного расследования. Фактически во всех случаях следователи эти стандарты нарушают.

В 2012 году Следственный комитет, наконец-то услышав многолетние призывы правозащитников, включая «Общественный вердикт», а также рекомендации международных органов, создает специальное подразделение (по рас-

следованиям. Нам, например, известно о двух, максимум о трех случаях из всех дел, которыми мы занимаемся — а это более сотни за этот период, — и это все преступления, которые как раз это спецподразделение и должно было бы расследовать. Соответственно, было передано два-три дела в это спецподразделение. В одном случае дело со смертельным исходом в Москве, которое получило широкий публичный резонанс, — это дело Черняева. А во втором случае — это дело, в котором преступные действия совершил следователь Следственного комитета. Его расследовать совсем некому, кроме этого спецподразделения.

Больше дел стало доходить до суда. Но это не столько заслуга Следственного комитета, сколько упорство адвокатов и правозащитников, которые заставляют следователей что-то делать

Во всех остальных случаях расследовать продолжают районные следователи, оперативное сопровождение осуществляют местные сотрудники полиции, конфликт интересов продолжает существовать, расследование стопорится и крайне редко получается эффективным.

Но все-таки, если брать 10-летний период, то можно говорить о том, что больше дел стало доходить до суда. Но это не столько заслуга Следственного комитета или следователей прокуратуры, сколько упорство адвокатов и правозащитников, которые заставляют этих следователей что-то делать. И я бы сказала, что больше стало приговоров с реальными сроками лишения свободы. Если десять лет назад в 90 процентах случаев приговор был с условным сроком, то наша статистика за эти 10–11 лет, говорит: 60 процентов признанных виновными получили реальные сроки, 40 — условные. Это такое существенное изменение за десятилетие. И это, к сожалению, все равно не привело к тому, что пыток стало меньше. Может быть, основополагающим является не суд как таковой и не наказание как таковое, а вот этот бардак, который творится с расследованиями, и ощущение того, что расследование не работает как хорошо сложенная машина и, соответственно, может «пронести». Или можно со следователем договориться, особенно если это районный следователь, которому ты помогаешь по другим делам.

КОЛОНИИ, ТЮРЬМЫ

До нас доходят дела из мест заключения. Таких дел у нас, конечно, меньше, хотя есть. Совсем недавно суд признал виновными сотрудников одной из колоний в Ярославской области. Заключение побили, и он в результате остался без се-

лезенки. Но таких дел мало. В результате нашей работы в Карачаево-Черкессии по делу Рахаева у нас появилась группа дел, где люди — уже заключенные, но жалуются на пытки в полиции. Но я не могу говорить о тенденциях и каких-то обобщающих вещах. ■

РОМАН ХАБАРОВ

бывший старший участковый,
директор юридической фирмы «Защита»

ПЫТКИ: ДИНАМИКА, РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ

В регионах очень разная практика. В Воронеже количество пыток снизилось заметно. И руководители разного уровня, и рядовые сотрудники в один голос твердят, что сейчас на уровне начальника ГУВД до истерики раздаются крики: «Не смейте никого бить! Ищите другие способы работы». Это правда так, люди жалуются: «А мы не привыкли по-другому! У нас отняли все, что было можно! Нам теперь не дают раскрывать преступления, потому что запрещают

Конечно, это не значит, что где-то насилие не может быть применено, потому что на улице всякое бывает и в какой-то полубытовой-полуслужебной обстановке это возможно, но вот именно то, что называется пытками, когда задержали и выбивают признание или показания, этого в самом деле в Воронежской области стало меньше.

РАССЛЕДОВАНИЕ СЛУЧАЕВ ПЫТОК

Если история получила общественный резонанс, то она будет расследована

Стараются уволить человека, но не давать делу хода, потому что это всегда отрицательный показатель в работе, это всегда минус руководителю. От руководителя многое зависит, именно поэтому регионы сильно отличаются

бить». Конечно, раньше начальник никогда не говорил: «Бейте», но могла прозвучать фраза: «Работайте с задержанным». Сейчас такое не звучит.

Руководитель хочет остаться руководителем. Никакой скандал с бутылкой шампанского ему не нужен, потому что Колокольцев в этом случае головы рубит быстро.

Это касается нашей Воронежской области и начальника ГУВД Сысоева. Я бы сказал, что Воронеж в хорошем смысле передовой. Я не думаю, что это из-за того, что возобладали какие-то гуманистические принципы. Но руководитель хочет остаться руководителем. И поэтому никакой скандал с бутылкой шампанского ему, разумеется, не нужен, потому что Колокольцев в этом случае головы рубит быстро. И поэтому наш начальник, не дожидаясь, начинает сам рубить. Сотрудники воздерживаются.

с более-менее максимальной тщательностью, и Следственным комитетом в том числе. Во всех остальных случаях очень часто это по-прежнему укрывается, даже теми же руководителями, которые это выявили. Они стараются уволить человека, но не давать делу хода, потому что это всегда отрицательный показатель в работе, это всегда минус руководителю. И ничего с этим не поделаешь, система отчетности так сформулирована.

Поэтому в качестве расследования пыток никакого прогресса нет.

У нас в Воронежской области никакого эффекта от созданного спецподразделения по расследованию преступлений должностных лиц правоохранительных органов нет. Все подобные факты проверяются по-прежнему в областном сыске. У нас полгода как сменился начальник Следственного управ-

ления (СК. — ред.), он очень принципиальный. Есть случаи, когда следователя наказали только потому, что, принимая заявление об изнасиловании, он смеялся над потерпевшей. Объявили выговор. Может быть, сейчас Левит (Кирилл Левит с октября 2014 года является руководителем Следственного управления СК РФ по Воронежской области, генерал-лейтенант юстиции. — Ред.) наведет порядок.

Все очень зависит от личности руководителя. Именно поэтому регионы очень сильно отличаются. Областной прокурор, начальник Следственного комитета, начальник ГУМВД и председатель областного суда. Меняется руководитель — и вся практика может быть либо выброшена коту под хвост, либо, наоборот, приведена в соответствие с законом. К сожалению, системных решений не принимается.

РЕФОРМА ПОЛИЦИИ

Нет, я вообще не вижу никакой реформы и не понимаю, о какой реформе говорят в полиции. Нельзя назвать реформой переименование и повышение зарплаты. Те структурные преобразования,

которые происходили, даже смешно называть реформой. Переименовали Департамент в Главное управление на уровне МВД — это что, реформа? Это только косметика, не произошло принципиального изменения структуры МВД. Разумеется, снижение случаев применения пыток — никакое не следствие реформы. У нас это заслуга конкретного руководителя, начальника ГУВД. У меня с ним сложные отношения, но при этом я признаю, что при Сысоеве в Воро-

нежской области стали пытать гораздо меньше, это заметно.

КОЛОНИИ, ТЮРЬМЫ

Я не могу сказать, что владею информацией о местах отбывания наказаний. Функционально пытки, которые применяются в полиции, и то незаконное насилие, которое применяется в местах лишения свободы, — это совсем разные вещи. Никто не бьет заключенных, что-

Специальное подразделение Следственного комитета по расследованию пыток

После инцидента в ОВД «Дальний» группа российских правозащитных НПО потребовала от главы Следственного комитета создать в Следственном комитете специализированное подразделение по расследованию пыток и других преступлений, совершенных полицейскими. Петицию с требованием создать такое подразделение подписали несколько тысяч граждан.

Глава Следственного комитета отреагировал на требования граждан и 18 апреля 2012 года подписал Приказ «О дополнительных мерах по организации расследования преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов». В соответствии с приказом должно быть создано специальное подразделение — «Отдел по расследованию преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов» в рамках Главного следственного управления Следственного комитета, а также специальные подразделения по расследованию преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов в структуре Следственных управлений в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Северо-Кавказском, Центральном, Северо-Восточном, Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах.

В соответствии с Приказом вышеуказанные подразделения должны проводить предварительные проверки по жалобам и сообщениям о преступлениях (включая пытки и жестокое обращение), предположительно совершенных полицейскими и сотрудниками других правоохранительных органов, а также расследовать подобные преступления.

Нельзя назвать реформой переименование и повышение зарплаты. Переименовали Департамент в Главное управление на уровне МВД — это что, реформа? Не произошло принципиального изменения структуры МВД

бы они признались в преступлении. Там насилие носит не законный, но «профилактический» характер: это либо подавление, либо наказание, либо возмездие, либо профилактика, то есть это другой функционал. ■

ИГОРЬ САЖИН*председатель Коми правозащитной комиссии «Мемориал»***ПЫТКИ: ДИНАМИКА, РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ**

Если смотреть на динамику по насилию — я могу говорить про регион, — то можно говорить о снижении насильственных тенденций и готовности органов надзора реагировать на сообщения о пытках. Но в том случае, если все удалось вовремя выявить, снять видеоматериалы, все проделать — тогда реакция есть. Есть еще одна положительная тенденция в нашем регионе: сами полицейские не стесняются говорить о том, что возбуждены уголовные дела, что они преследуют своих коллег за совершение насилия. Раньше это все покрывалось, а сейчас введен отчетный показатель — сколько человек наказали. Очень многое зависит от начальства. Сейчас начальники стали отвечать за своих подчиненных. Было несколько дел, когда из-за нарушений подчиненных снимали начальника.

Но, правда, могу сказать, что за последние годы были и некоторые возвращения. Когда началась полицейская реформа, была встряска, а сейчас все затихло, и опять начинает болотце затягиваться тиной, все начинают привыкать к своим местам, уже прокуратура начинает хуже реагировать. Раньше мы находили быструю реакцию, а сейчас пошли одни отписки.

В последнее время чаще всего люди жалуются на то, что полиция не реагирует. Заявления полиция принимает, но ничего не делается, людей не опрашивают, составляют отписки. Все понимают, что полиция на бумагу работает. Формализм, главное — бумажку отписать. Сейчас это стало очень частой жалобой. Если начать разбираться, то начальство дает подзатыльник, начинается шевеление. Хотя формально жалобы принимаются. Если раньше полиция и жалобы не принимала, то сейчас жалобы принимают, но ничего по ним не делают.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПЫТОК

Следственный комитет стал самостоятельным, отделенным от прокуратуры, и это имеет свои неплохие последствия. Когда обращаются либо в прокуратуру, либо в Следственный комитет, то реакция есть. Иногда прокуратура в пику Следственному комитету что-то делает, а

Положительная тенденция в нашем регионе: сами полицейские не стесняются говорить о том, что возбуждены уголовные дела и их коллег преследуют за пытки. Раньше это все покрывалось, а сейчас введен отчетный показатель — сколько человек наказали

Следственный комитет — в пику прокуратуре. То есть тенденция здесь довольно положительная.

КОЛОНИИ, ТЮРЬМЫ

Здесь ситуация тоже улучшилась. Во-первых, были инициированы и доведены важные дела, прошла переаттестация. Во-вторых, стали больше ориентироваться на доверие населения, т.е. они стали очень много заботиться о своем имидже. Намекнешь: а у вас что-то не так — тут же начинаются разборки по

зоны в большей степени раньше были черные, то есть находились под ворами. Сейчас не так. Но приезжающие в учреждения Коми с черных зон Центральной России едут сюда и говорят: «Мне разрешали в моей колонии носить спортивную форму!» Здесь говорят: «Стоп, по закону вы можете ее надеть только на спортивном мероприятии». В связи с этим начинаются всякие проблемы.

Объем заключенных в нашем регионе превышен, у нас ведь половина сидит не из нашего региона. Не во всех коло-

Все понимают, что полиция на бумагу работает

любым проблемам, потому что они не хотят, чтобы в СМИ что-то отрицательное мелькало. Это касается и МВД, и ФСИН. Говорить о том, что победа одержана, нельзя. Осталась та же самая система. Но что действительно хорошо — если раньше не было готовности самостоятельно наводить порядок, теперь такая готовность есть.

Сейчас ФСИН предприняла много действий по наведению порядка, во многих регионах «красных» зон, которые контролирует администрация, стало больше. Например, у нас в Коми

ниях, но за последние лет пять было выявлено, что в паре колоний применялись спецсредства. Мы стали вмешиваться, говорить, что это недопустимо, мы настаиваем, собираем информацию у людей. Но судя по тому, что, в отличие от других регионов, у нас бунтов нет, я делаю вывод, что профилактика, попытка остановить незаконные действия заключенных не переходит границу, как это было, допустим, в Челябинской области. У нас в колониях действия администрации не приводят к массовым действиям и к массовому сопротивлению.

АЛЕКСАНДР КОСС

адвокат, Калининградская область

ПЫТКИ: ДИНАМИКА, РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ

Мой опыт работы говорит о том, что насилие в правоохранительных органах стало меньше. Я могу судить о своем субъекте — Калининградской области — за последние 10–15 лет, которые я работаю по этой проблематике.

Если в 90-е годы была очень высокая ротация кадров в органах полиции и туда попадало большое количество случайных людей — лиц, которые имели мало отношения к юридической проблематике, к расследованию преступлений, то с начала 2000-х годов в милицию пошли выпускники преимущественно ведомственных вузов. Это был более качественный контингент, более подготовленный, понимающий, что им грозит.

РЕФОРМА МВД

Положительно повлияла реформа МВД последних лет, когда увеличилась оплата, т. е. сотрудники полиции стали понимать, что они потеряют в случае, если будут выявлены какие-то злоупотребления. И важный момент — это чистка рядов, которая произошла в период 2010–2011 годов во время реформы. В принципе это сказалось положительно на контингенте, на подходе, на общих установках.

Сейчас есть портативные диктофоны в телефонах, средства видеозаписи, видеорегистраторы на автомобилях. Поэтому многие злоупотребления становятся более доказательными, их гораздо проще зафиксировать

Я уже не говорю о том, что и общественный контроль имеет довольно большое значение, в том числе с применением новейших средств. Сейчас есть

Покрывают потому, что в случае выявления будут довольно серьезные санкции не только в отношении лиц, которые непосредственно были причастны к пыткам, но и в отношении руководства

портативные диктофоны в телефонах, средства видеозаписи, видеорегистраторы на автомобилях. Поэтому многие злоупотребления становятся более доказательными, их гораздо проще зафиксировать. И полицейские это понимают, и граждане, и, конечно, это сказывается положительно.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПЫТОК

Если дела доходят до суда, это в подавляющем большинстве случаев не просто обвинительные приговоры, это приговоры, сопряженные с очень большими и жесткими наказаниями. Недавно я участвовал в таком процессе, ознакомился с приговором за пытки, кото-

Здесь нужно говорить о том, нет ли сокрытия. Покрывают потому, что в случае выявления будут довольно серьезные санкции не только в отношении лиц, которые непосредственно были причастны к пыткам, но и в отношении руководства. У нас был случай, когда применялись пытки, были приговоры с реально большими сроками, и все руководство, дежурная смена были незамедлительно уволены только потому, что была косвенная причастность к пыткам.

Поэтому, в принципе, я считаю, что скорее имеет место позитивная динамика. 10–15 лет назад случайные люди не были знакомы с азами закона и криминалистики, очень часто добывали доказательства преступным путем. Сейчас этого меньше, люди знают, что они потеряют. Сейчас зарплата доходит до 50–60 тысяч, что выше среднего и по региону, и по стране. Конечно, в этой ситуации лучше лишиться раз соблюсти закон, чем рисковать тем, что есть: не только положением в обществе, но и хорошим источником доходов. ■

рые были в одном из наших райотделов полиции: оперативные уполномоченные получили реальные наказания от 7 до 11 лет.

Кадр записи с камеры наблюдения в милицейском вытрезвителе Перми. См. подробнее: «дело Самойлова» на сайте www.publicverdict.ru

ИГОРЬ КАЛЯПИН

председатель Комитета против пыток

ПЫТКИ: ДИНАМИКА, РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ

Практически ничего не изменилось. Вероятно, есть какие-то улучшения: какие-то сюжеты, которые были возможны 10–15 лет назад, сейчас, наверное, не случаются. Хотя, может быть, это только в тех регионах, где мы работаем.

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМЫ ПОЛИЦИИ

Пока шла реформа, точнее, 20-процентное кадровое сокращение, был замечен некий количественный провал — снижение интенсивности пыток. Видимо, боялись «залететь» и быть «вычищенными». Сейчас этот уровень возрос, и связано это, в том числе, с мобилизационной психологией. Когда 80% населения считают, что они живут в состоянии войны, тут не до гражданского контроля полиции.

ТИПОЛОГИЯ ПЫТОК

Типология не особенно изменилась: те же избиения, те же пытки электротоком, те же надевания противогазов, те же связывания.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПЫТОК

Ничего не улучшилось. Система как была, так и осталась в неприкосновенности. Тот конфликт интересов (следователь должен расследовать преступления, совершенные полицейскими, и одновременно расследовать общеуголовные преступления, когда следователь и полицейский — коллеги. — Ред.) сохранился целиком и полностью. От чего изменений ждать? От того, что прокуратуру отделили (в 2007 году Следственный комитет выделили из прокуратуры. — Ред.)? Никакого эффекта независимость про-

куратуры не дает. Когда следователь необоснованно прекращает уголовное дело в отношении полицейского, прокуратура эти постановления почти никогда не отменяет. Право самостоятельной отмены постановлений Следственного комитета, которое прокуратура себе очень долго требовала вернуть, прокуратуре в конце концов вручили, но по нашим делам в отношении полицейских прокуратура этим правом не пользуется никогда.

Ирина Протасова, член ОНК Республики Марий Эл, сопредседатель организации «Человек и Закон»

Отношение к заключенным не сильно изменилось, хотя есть явная тенденция к уменьшению пыток. ОНК здесь играют очень большую роль, мы даже недооцениваем, насколько велика эта роль

КОЛОНИИ, ТЮРЬМЫ

Если сравнивать с серединой нулевых, то ситуация радикально изменилась в лучшую сторону. Прежде всего это связано с условиями содержания. Конечно, нынешний ФСИН и ГУИН нулевых различаются, как небо и земля. Но отношение к заключенным не сильно изменилось, хотя есть явная тенденция к уменьшению пыток, силового давления. Я думаю, что ОНК здесь играют очень большую роль, мы даже недооцениваем, насколько велика эта роль. Причем не так уж важно, грамотные это ОНК или безгра-

мотные, или, как в некоторых регионах, ОНК откровенно обслуживают интересы местной ФСИН. Тем не менее есть некие внешние люди, которые время от времени приходят, — это оказывает оздоравливающий эффект на систему.

Но улучшение в системе ФСИН — это не только результат работы ОНК, потому что значительные изменения произошли до 2008 года, когда ОНК были созданы. Очень тяжелая ситуация, в которой пенитенциарная система находилась в нулевых, была связана с тем, что был скачок преступности, было жуткое перенаселение и при этом отсутствовало финансирование. То есть все находилось в запустении, разваливалось. Прежняя система самофинансирования пенитенциарной системы перестала в одночасье работать, т. е. производства в колониях остановились, а финансирование из федерального бюджета было значительно меньше, чем 50 процентов. За эти 15 лет сделано очень много. И отношение, и культура службы поменялись в лучшую сторону, хотя в гораздо меньшей степени, чем техническая оснащенность и бытовые условия осужденных. ■

Пока шла реформа было заметно снижение интенсивности пыток. Видимо, боялись «залететь» и быть «вычищенными»

АЛЕКСАНДР БРЕСТЕР

к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса
Юридического института Сибирского федерального университета,
эксперт Фонда «Общественный вердикт»

**ПЫТКИ: ДИНАМИКА,
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ**

Мое мнение будет основано на моей собственной работе и на практике Красноярского края. Ситуация стала лучше, и говорить о том, что бьют всех и всегда, конечно, не приходится. Жалоб у нас стало меньше, но это не значит, что проблема исчезла совсем. Сигналы о том, что пытки случаются, есть. Возможно, пытки перестали быть массовыми в силу разных причин, в любом случае общество развивается. Оно уже не такое, каким было 10–15 лет назад. Очень сильно повлияла практика Европейского Суда по правам человека, работа правозащитных организаций. Люди стали чувствовать себя более защищенными. Но проблема точно не исчезла, она стала глубже, пытки стало труднее обнаружить.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПЫТОК

Стандарты расследований не изменились, по-прежнему практически не возбуждаются дела. Единичные, громкие там, где прессе стало что-то известно — да. Если дела возбуждаются, то они крайне неэффективно расследуются. Эта проблема остается. Появление спецподразделения по расследованию не оказало влияния. Я считаю, что это полнейшая фикция, об их работе ничего не известно. Если искать информацию, то

Появление спецподразделения СК не оказало влияния. Это полнейшая фикция, об их работе ничего не известно

Сильно повлияла практика ЕСПЧ, работа правозащитных организаций. Люди стали чувствовать себя более защищенными. Но проблема не исчезла, она стала глубже, пытки стало труднее обнаружить

это надо делать специально и долго. И это никак не изменило ситуацию в стране, т. е. это не больше, чем демонстративный шаг, который не влечет за собой реального метода борьбы.

КОЛОНИИ, ТЮРЬМЫ

Стало лучше. Деятельность ОНК, не во всех регионах, но во многих, серьезно помогает. Но сказать, что проблема ушла, нельзя. Она перешла на другой уровень, когда эти случаи стало сложнее выявлять и расследовать. То есть в целом лучше, но тем, кто страдает от насилия и пыток, от этого не легче, потому что такие люди все равно остаются. О кардинальных, серьезных изменениях не могу сказать. ■

Защита граждан, отстаивающих свое конституционное право на мирные собрания, составляет отдельную группу дел, по которым работает Фонд «Общественный вердикт».

Для оперативного реагирования на незаконные задержания или применение насилия со стороны полицейских на массовых мероприятиях Фонд и коллеги из регионов России создали в декабре 2011 года Объединенный штаб по оказанию правовой помощи задержанным. Юристы Объединенного штаба консультировали и оказывали правовую помощь во время проведения митингов «За честные выборы» в декабре 2011 — марте 2012 года. Позднее работа Объединенного штаба была направлена на оказание помощи гражданам, пострадавшим от действий сотрудников полиции 6 мая 2012 года на Болотной площади в Москве (дело Тураны Варжабетьян, дело Кристины Зиновьевой и др.), а также по так называемому «Болотному делу» (дело Михаила Косенко, Федора Бахова, Степана Зимина).

Фонд организовал горячую телефонную линию, позвонив на которую, граждане могут получить правовую консультацию или сообщить о своем задержании. Фонд издает правовые памятки, чтобы граждане могли ориентироваться и знать свои права и обязанности при проведении пикетов, шествий и митингов.

В ряде случаев юристам и адвокатам Фонда удастся в суде отстоять права граждан, задержанных на публичных мероприятиях, добиться компенсации за незаконное задержание, изменить условия содержания в отделах полиции.

ЕГОР СКОВОРОДА

«Медиазона», специально для информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Задержанные собрания свободных людей

Волна протестов, начавшаяся в Москве в декабре 2011 года, давно спала, на улицы выходит все меньше недовольных граждан. Тех, кто продолжает протестовать, ждет все более суровое наказание — власть постоянно ужесточает как административное, так и уголовное законодательство. В 2014 году и первой половине 2015 года юристы «Общественного вердикта» представляли интересы более чем семидесяти граждан, которые были задержаны во время различных акций протеста — на несанкционированных шествиях, у судов по резонансным делам, на акциях в защиту ЛГБТ или против войны.

В прошлом году в Москве было вынесено несколько приговоров по резонансным политическим делам — это и приговоры по первой и второй «волнам» «Болотного дела», и приговор Олегу и Алексею Навальным. 21 и 24 февраля в Замоскворецком суде Москвы оглашался приговор восьмерым фигурантам «Болотного дела», которых обвиняли в участии в массовых беспорядках и применении насилия к полицейским после «Марша миллионов» 6 мая 2012 года. Перед зданием суда собралось несколько сотен людей, которые пришли поддержать подсудимых. Некоторые из них скандировали «Свободу!», но большая часть просто стояла в переулке у суда, перегороженном металлическими барьерами и сотрудниками полиции.

24 февраля подсудимых приговорили к срокам от 2,5 до 4 лет колонии; полиция, по данным проекта «ОВД-инфо», около суда и позже на Манежной площади задержала около 430 человек. Интересы более чем 30 из них представляли юристы «Общественного вердикта» — практически всех задержанных обвинили в участии в несанкционированной демонстрации (часть 5 статьи 20.2 КоАП), на нескольких были также составлены административные протоколы о неповиновении сотрудникам полиции (часть 1 статьи 19.3 КоАП). Решения судов были однотипными: за

несанкционированную демонстрацию — штраф 10 тысяч рублей (лишь несколько человек получили 15 или 20 тысяч штрафа), за неповиновение — штраф 500 рублей. Аргументы задержанных о том, что они пришли не на демонстрацию, а чтобы послушать оглашение приговора, судьи не принимали в расчет.

«Идентичные протоколы были составлены, просто один в один, на всех, кто был в одном их автозаков. Им всем вменялось, что они выкрикивали лозунги

дил, что этот единственный плакат был у него и держал его он. Судья просто проигнорировала этот довод», — говорит Першакова.

В итоге Сергея Пархоменко, который был задержан вместе с женой и сыном, оштрафовали на 10 тысяч рублей по статье 20.2, и на 500 рублей — по статье 19.3 КоАП. Пархоменко, как и несколько других задержанных перед судом, оказался членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса.

Молчаливость и пассивность протеста не спасает от задержаний, а в автозаки попадают люди, которые просто стоят на площади и которых случайным образом выдергивают из толпы

и, как сказано в протоколах, принимали участие в «пикете в составе граждан в количестве более 70 человек с использованием плаката с надписью: «Осуждающий невинного — мерзость перед лицом Господа». Десяти или пятнадцати людям оформили протоколы с такой формулировкой», — рассказывает юрист «Общественного вердикта» Елена Першакова, которая представляла интересы задержанного 21 февраля журналиста Сергея Пархоменко и еще нескольких человек.

Фотографии и видеозаписи доказывают, что задержанные ничего не кричали и не держали подобного плаката. «Этот плакат был у одного-единственного человека, мы его нашли и вызывали в качестве свидетеля на суд по делу Пархоменко. И этот человек в суде подтвер-

Этот статус предполагает, что разрешение на его привлечение к административной ответственности должен давать прокурор, объясняет Першакова.

«Мы на первом заседании предъявили это удостоверение, судья очень сильно удивилась. Она просто прекратила заседание и оформила запрос прокурору Москвы», — рассказывает юрист.

По ее словам, процедура подобного согласия не урегулирована, и непонятно, должен ли прокурор ограничиться абстрактным согласием или же он должен изучить материалы и мотивировать свое решение. Першакова и Пархоменко самостоятельно отправили прокурору все материалы дела, чтобы он имел возможность изучить их. «Но на следующем заседании мы увидели документ, где в 2–3

предложениях прокурор дает свое согласие. И это общая практика по Москве, что прокурор дает согласие, не вдаваясь в суть дела и не проверяя материалы. И потом такое согласие нельзя оспорить», — говорит Першакова. Она признает, что сломить подобную тенденцию правозащитникам пока что не удалось.

30 декабря 2014 года был вынесен приговор братьям Олегу и Алексею Навальным по делу «Ив Роше». Навальных признали виновными в хищении денег у компании и приговорили к 3,5 годам лишения свободы — причем Алексей получил условный срок, а Олег — реальный. Вечером того же дня на Манежную площадь вышли москвичи, которые считали это уголовное дело сфальсифицированным и политически мотивированным. Стоял мороз, сама площадь была перекрыта полицией, и люди просто фланировали по окрестным улицам, они не держали плакатов и ничего не скандировали.

Полиция задержала более 250 человек: молчаливость и пассивность протеста не спасает от задержаний, а в автозаки попадают люди, которые просто стоят на площади и которых случайным образом выдергивают из толпы. В этом граждане могли убедиться еще в марте 2014 года, когда в знак протеста против ввода российских войск в Крым просто приходили к зданию Минобороны и на ту же Манежную. Их задерживали и составляли административные протоколы (юристы «Общественного вердикта» защищали около 20 подобных задержанных). По статье 20.2 задержанные все так же получали штраф 10 тысяч, по 19.3 — 500 рублей. Это на тот момент минимальное наказание по соответствующим статьям.

Как правило, более жестко суд относится к тем политическим активистам, которые выходят на несанкционированные акции протеста с лозунгами, баннерами и плакатами. В случае задержания суды нередко назначают им не штрафы, а арест. Среди дел, которые вели юристы фонда, было дело активистки Ольги Терехиной. 11 мая этого года она была задержана на Лубянской площади в день рождения украинки Надежды Савченко, которую российские власти обвиняют в военных преступлениях. За акцию с украинскими флагами Терехину арестовали на 15 суток.

За полгода до этого, 5 декабря 2014 года, небольшая группа активистов перекрыла Мясницкую улицу с бан-

нером «Вчера — Киев, завтра — Москва». На пятерых задержанных составили протокол за участие в несанкционированном шествии, которое привело к помехам в движении транспортных средств (часть 6.1 статьи 20.2 КоАП). Четверо задержанных получили штрафы от 10 до 20 тысяч рублей.

«Никакой логики здесь нет», — затрудняется объяснить выбор судом той или иной суммы штрафа юрист «Общественного вердикта» Николай Зборошенко, защищавший всех пятерых задержанных. По его словам, административное дело против пятого активиста, Ильдара Дадина, было прекращено из-за того, что к

варя. За участие в этих же акциях активист Марк Гальперин получил 30 суток ареста. Поскольку осенью оба они уже привлекались к ответственности по статье 20.2 КоАП, на Ионова и Гальперина с разницей в три дня завели уголовные дела; сейчас они под подпиской о невыезде. Ильдару Дадину, который стал третьим обвиняемым по новой статье, обвинение предъявили в конце января, как только он вышел из спецприемника после 15 суток ареста за акцию в поддержку Навального. Дадина суд отправил под домашний арест.

«Причем часть эпизодов вошла в уголовное дело тогда, когда постановление

Люди имеют право на спонтанные публичные мероприятия, которые не требуют получения разрешения, даже если подобная процедура есть в законодательстве на национальном уровне

моменту его рассмотрения судом против Дадина уже возбудили уголовное дело за неоднократное нарушение порядка проведения митинга (ст. 212.1 УК РФ).

Эта новая статья — 212.1 — появилась в Уголовном кодексе летом 2014 года и наказывает за неоднократное «нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования». Как говорится в примечании к статье, неоднократными считаются административные правонарушения по статье 20.2 КоАП, совершенные более двух раз в течение 180 дней. На практике сейчас уголовное дело возбуждается после трех административных протоколов по статье 20.2 КоАП, говорит Николай Зборошенко.

Первым человеком, которого привлекли по новой уголовной статье, стал 75-летний активист движения «Солидарность» Владимир Ионов. В январе этого года он получил 20 тысяч рублей штрафа за пикет в поддержку французского журнала Charlie Hebdo 10 января и еще 150 тысяч рублей — за участие в акции в поддержку Алексея Навального 15 ян-

по административке еще не вступило в законную силу. По Дадину там из четырех эпизодов, которые были на момент возбуждения дела, вступил в силу только один, по Гальперину два, по Ионову тоже один всего», — рассказывает Зборошенко.

Сейчас по этим административным делам Николай Зборошенко готовит жалобу в Европейский Суд по правам человека. Параллельно юрист подал в российские суды жалобы на условия содержания Гальперина, Дадина и других задержанных в ОВД «Басманное» и ОВД «Якиманка», где они провели ночь после акций в декабре и ноябре. «В практике Европейского Суда есть критерии, перечисленные в постановлении по делу «Ананьев и другие против России»: должны быть индивидуальные спальные места, спальные принадлежности, горячее питание, метраж не менее четырех квадратных метров, доступ к питьевой воде, доступ к санузелу, освещение и вентиляция», — перечисляет Зборошенко. Эти условия были нарушены в отделах полиции, где активистам пришлось провести ночь.

Коллективные жалобы задержанных 21 и 24 февраля у Замоскворецкого суда совместно подали в ЕСПЧ несколько правозащитных организаций: «Мемориал», «Юрикс» и «Общественный вердикт». «Наша позиция в ЕСПЧ такова, что люди имеют право на свободу собраний. В практике Европейского Суда есть постановления, в которых говорится, что люди имеют право на спонтанные публичные мероприятия, которые не требуют получения разрешения, даже если подобная процедура есть в законодательстве на национальном уровне», — объясняет Елена Першакова.

Люди вышли в день вынесения приговора, чтобы выразить свое отношение к событию, которое только что произошло, и не могли заранее знать время и решение суда. Полиция этих людей задержала, нарушив тем самым статью 11 Европейской конвенции о защите прав человека, которая гарантирует свободу собраний и объединений.

«Второе нарушение, которое было заявлено в нашей жалобе, это нарушение статьи 6 Конвенции, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство, — рассказывает Першакова. — Судьи проигнорировали доказательства защиты и отказались вызвать в суд полицейских, которые проводили

задержания. При этом есть устоявшая практика Европейского Суда, который говорит о том, что если представители власти выдвигают какие-либо обвинения в адрес человека, то этот человек должен иметь возможность в суде задать вопросы тому, кто его обвиняет».

Случаи, когда связанные с акциями протеста административные дела удается выиграть в российских судах, достаточно редки. В недавней практике «Общественного вердикта» было дело преподавательницы МГУ Виктории Скобеевой, которая организовала митинг против точечной застройки в районе Тропарево-Никулино на Юго-Западе Москвы. На него собралось несколько сотен человек, и на Скобееву составили протокол по статье 20.2 КоАП — за то, что число участников акции якобы оказалось выше, чем было указано в заявке. Активистке и ее защитникам удалось убедить суд, что организатор не может контролировать число участников публичного мероприятия, и дело было закрыто.

В Липецке же суд вернул в полицию дела двух ЛГБТ-активистов, задержанных на акции в октябре 2014 года. Третью активистку — Ильмиру Шайхразнову — суд оправдал по статье 19.3 КоАП, но признал виновной по статье 20.2

Железнодорожный городской суд Московской области признал не соответствующим статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод непредоставление Ильдару Дадину питания на время пребывания в Замоскворецком межрайонном следственном отделе, а также на время пребывания в Замоскворецком районном суде г. Москвы.

Одновременно суд отказал в признании нарушения статьи 3 ЕКПЧ в связи с условиями транспортировки Ильдара Дадина в специальном транспорте в/из ИВС.

Ранее Железнодорожный городской суд Московской области признал условия содержания Дадина в ОМВД Якиманка 21–22 ноября 2014 года не соответствующими статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

и присудил ей штраф 20 тысяч рублей. Это решение юристам удалось оспорить, и в мае суд признал незаконным само задержание Шайхразновой на акции и постановил выплатить ей компенсацию в размере 13 тысяч рублей. ■

КРИСТИНА ГОРЕЛИК

журналист, лауреат премии Московской Хельсинкской группы в области прав человека за 2012 г. в номинации «За журналистскую деятельность по продвижению ценностей прав человека», член Союза журналистов России, автор правозащитных программ на «Радио Свобода», специально для информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Спецприемник — не место для женщин

С фотографии мне улыбается молодая симпатичная девушка. Короткая стрижка, карие глаза. Рассматриваю другую фотографию и автоматически отмечаю про себя: надо же, какая худенькая. А вот на третьей уже вижу, как ее легко подхватили двое полицейских и куда-то несут. Потом я выясню, что несут ее в автозак, затем запихнут в спецприемник, где она проведет двое суток в ожидании судебного приговора. Случилось это летом 2012 года.

Марина Седова после задержания во время акции на Стефановской площади. Фото Андрея Шопши

Что же это за преступница такая? Зачем ее волочить по земле? Девушка стояла на площади с требованием открыть площадь для граждан. Но как главная площадь города может быть закрыта?

Открыта она для тех граждан, кто доволен властью, а если и недоволен, то никак это не проявляет, сидит тихо и не высовывается, гуляет просто по площади, рассматривает достопримечательности в виде «Желтого дома» (администрация Республики Коми), как его называют местные жители, Стефановской площади, именуемой так в честь стоявшего тут некогда Стефановского собора.

По Конституции России, граждане могут открыто выражать свое мнение, собираться вместе, мирно протестовать... Это статья 31-я главного закона нашей страны. А есть еще множество международных документов. После событий на Болотной площади 6 мая 2012 года были приняты разные поправки в федераль-

ные законы, ужесточающие законодательство о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях. Усложнилась процедура организации массовой акции, в десятки раз возросли штрафы за различные нарушения, и даже была введена уголовная ответственность для нарушителей. Однако все равно в законе же нельзя прямо написать: мы запрещаем гражданам выходить на улицу и мирно выражать свое мнение. Чиновники из Сыктывкара поступили проще: мэрия Сыктывкара выпустила постановление о запрете любых публичных мероприятий в радиусе 150 метров от судов.

«Властям не очень нравилось, что площадь пользуется популярностью у активных горожан, и они придумали смешную двухходовую комбинацию, — рассказывает известный в Республике Коми правозащитник Эрнест Мезак. — Первыми, правда, изобрели такой ход власти Татарстана. В Казанском Кремле расположен Феде-

ральный Арбитражный суд, и вот местные власти объявили 250-метровую зону вокруг этого суда запретной для проведения массовых мероприятий, пользуясь неясностью формулировки в Федеральном законе «о прилегающей к суду территории».

И весь Казанский Кремль оказался для митингующих запретной зоной. Запросы у властей Республики Коми оказались скромнее, они выделили «всего лишь» 150-метровую зону вокруг судов. Но на Стефановской площади нет никаких судов. Нет? Значит, будет. Очень скоро в здании Госсовета на площади отметил новоселье Конституционный республиканский суд. И площадь оказалась полностью закрытой для массовых мероприятий.

Это и возмутило Марину Седову, ту самую девушку с фотографии, о которой я упомянула в начале своего рассказа. «В какой-то момент они закрыли площадь для любых вообще публичных мероприятий, и я решила, что нужно каким-то образом реагировать на это, — вспоминает Марина. — Я сначала приняла участие в серии одиночных пикетов у прокуратуры с требованием вернуть Стефановскую площадь митингующим, а вторым моим выступлением стала акция уже на самой площади».

Марина вместе с другим участником в знак протеста приковала себя цепями к фонарному столбу на Стефановской площади рядом со зданием администрации. На Марине была надета футболка с надписью «Это наша площадь». Подобное мнение подошедшие сотрудники полиции явно не разделяли. А потому объявили акцию незаконной, а самих участников — задержанными. Кусачками перекусили цепи и потребовали пройти к машине. Марина идти отказалась: «Во-первых, я считала, что это неправильно и незаконно, а во-вторых, они не объяснили ни моих прав, ни обязанностей, сказали пройти в машину, но для чего, непонятно. Вот я и отказалась».

Ее протащили через площадь, посадили в машину, привезли в отделение и оформили протокол по двум статьям – нарушение установленного порядка проведения публичной акции (статья 20.2 КоАП РФ) и неповиновение сотруднику полиции (статья 19.3 КоАП РФ). А затем отвезли в спецприемник.

«Сказать, что я была в шоке, значит, ничего не сказать, – рассказывает Марина о своих первых впечатлениях от камеры в спецприемнике, куда ее доставили. – Я допускала, что могут «закрыть», но не думала, что это будет на двое суток. А когда меня посадили в камеру и я увидела окружающую обстановку, стало понятно, что там вообще невозможно существовать. Санузел прямо под дверью с глазком. Ни умыться, ни в туалет, простите, пойти. Каждые пять минут зачем-то заходили надзиратели, все мужчины, причем просто открывали дверь и врвались в камеру. Я у одного спросила: «А почему вы заходите без стука?» А он мне отвечает: «Зачем стучать? Я же все равно вижу, что ты там делаешь.»

Из судебного иска Марины Седовой к Управлению МВД по городу Сыктывкару: «Условия содержания... не отвечали минимальным стандартным правилам обращения с заключенными... Прежде всего, в спецприемнике в принципе отсутствовал женский персонал (если не считать уборщицы)... туалет в камерах, в которых содержалась заявительница, был расположен практически под глазком в двери камеры, в который регулярно заглядывали полицейские. Около суток, в том числе первую ночь, в камере из-за поломанного крана умывальника в металлическое дно раковины постоянно была сильная струя воды, а сам кран регулярно производил сильное и раздражающее мой слух гудение. Кроме того, спецприемник не имел прогулочного двора...».

В ответ Управление МВД уверяло, что они своевременно перевели Марину в другую камеру, когда поломался кран, прогулочный дворик находился просто на ремонте, а угол обзора глазка небольшой и вообще имелась перегородка, а значит, никаких нарушений не было.

Вот схема камеры, в которой находилась Марина. Та самая злополучная перегородка, о которой упоминают в спецприемнике, отделяет кровать от санузла, а не входную дверь от унитаза, то есть туалет находится прямо под дверью с глазком, в углу справа. Что именно там было видно – догадайтесь сами.

Марина не ела два дня – по вполне понятным соображениям – и выпила за это время примерно граммов 100 воды.

Ночью поломанный кран в раковине практически не давал Марине спать, а днем выйти на положенную по закону единственную прогулку за весь день она тоже не смогла.

Наконец Марину привезли в суд, где ее дело слушалось восемь часов, с 10 утра до 18 вечера. И опять та же история – туалетом за все это время девушка смогла воспользоваться только один раз.

«Я думаю, что это была месть мне за мои политические убеждения, – говорит Марина, – потому что я видела такое же практически дело, но неполитическое, когда человек оказывал неповиновение сотруднику полиции, в это же время, летом того же года та же судья рассматривала дело, и ему дали штраф в 500 рублей. Они как мотивировали мою посадку? Тем, что я якобы не явлюсь в суд. При этом та же самая судья рассматривает такое же дело, только там мужчина был, они его совершенно спокойно отпускают домой, он в суд не является, они рассматрива-

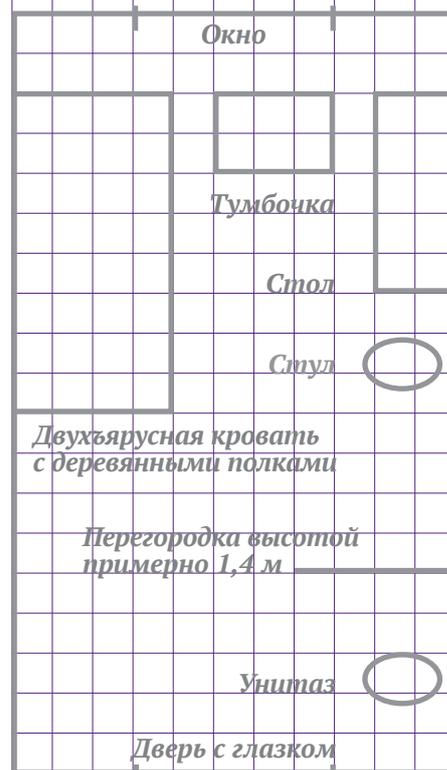

Схема камеры

Марина не ела два дня и выпила за это время примерно граммов 100 воды

ют дело в его отсутствие и без проблем штрафуют на 500 рублей. А меня при этом посадили на два дня, а потом и штраф в 10 тысяч рублей впаяли».

«Это вообще довольно редкая практика – задержание женщины по такой статье, – соглашается с Мариной Эрнест Мезак, – а тут не просто задержание, а еще и арест на двое суток. Ладно, задержали бы пьяную девицу без определенного места жительства, которая лезет драться, такие случаи были, но человека в трезвом уме, у которого есть регистрация, – это все явно полицейский произвол или политический заказ. Тем более у нас в спецприемники мужчин сажать некуда, а для женщин, понятно же, что нужно отдельную камеру выделять. Странно все это. Плюс мы подняли статистику за последнее время, какова была судебская практика по таким делам, и выяснили, что подавляющее большинство судей ограничивалось штрафом в 500

рублей, в том числе и судья, принимавшая решение по поводу Марины».

Девушка обжаловала не только свой арест, но и условия содержания в спецприемнике. Юридическую помощь в этом Марине Седовой оказал Фонд «Общественный вердикт». До Марины с подобным иском в Сыктывкаре никто не обращался.

Ее интересы в качестве юриста Фонда представлял в суде Эрнест Мезак, который, кстати, присутствовал и на той протестной акции на Стефановской площади, все видел, тоже был задержан, но вскоре отпущен вместе со вторым участником акции. Забегая немного вперед, скажу, что Марину Верховный суд оправдал – в ее действиях не было найдено состава преступления, а установление запретной зоны вокруг судов было признано незаконным.

«Это дело крайне важное, особенно в сегодняшней ситуации, когда, с одной стороны, участились случаи задержаний

Марина Седова во время акции на Стефановской площади. Фото Андрея Шоппи

участников мирных протестов, с другой — существенно ужесточились санкции за нарушение порядка проведения и участия в таких акциях, и теперь практически по каждой статье КоАП, где речь идет об административном правонарушении в связи с мирными публичными акциями, в качестве наказания возможен административный арест, — говорит Наталья Таубина, глава Фонда «Общественный вердикт». — Это дает возможность при задержании оставлять людей в отделе полиции более трех часов, и как правило речь идет о ночном времени. Согласно международному стандарту, вытекающему из ряда договоров, которые Россия обязалась выполнять, содержание под стражей свыше трех часов рассматривается как длительное содержание со всеми вытекающими обязательствами со стороны государства в части обеспечения питания, включая горячее, спального места с постельным бельем, медицинской помощи и т.д. Не говоря уже о стандарте, согласно которому досматривать и охранять задержанного должны сотрудники того же пола».

После долгих разбирательств условия содержания Марины в спецприемнике тоже в итоге были признаны судом незаконными, в первую очередь — из-за мужчин-надзирателей.

Из постановления Сыктывкарского городского суда Республики Коми: «В рассматриваемом случае Седова М.С. находилась под постоянным наблюдением через смотровой глазок со стороны постовых Бауэра, Гросса, Шевелева, дежурных Пяткова, Бахмана, Паршукова — лиц мужского пола, что прямо нарушает соответствующий запрет Минимальных правил и, очевидно, является недопустимым вторжением (не имеющим разумных оправданий) в сферу ее свободы и личной неприкосновенности, признаваемых статьей 2 Конституции РФ высшей цен-

ностью, нарушающим право на гуманное обращение и уважение достоинства».

«Для меня главное в решении, что российский суд не только признал незаконными условия содержания, но в конце концов сослался на нарушение статьи 3 Европейской Конвенции, как мы того требовали, — говорит Эрнест Мезак, — другое дело, что мы остались недовольны размером компенсации морального вреда и считаем ее несоразмерной допущенному нарушению. Мы требовали выплатить 120 тысяч рублей».

Теперь мы имеем хорошую возможность оспаривать практику, ссылаясь на судебный прецедент дела Марины Седовой

В итоге Марина получила компенсацию в размере 17 тысяч рублей.

«А еще занавесочку повесили в той камере для приватности, как мне рассказывали», — смеется Марина. Правда, персонал в спецприемнике так и остался преимущественно мужским.

«Это такая общероссийская практика, — говорит Эрнест, — и распространена она не только в спецприемниках, которыми заведует МВД, но и в системе ФСИН. В СИЗО мне женщины говорили, что мужчины за ними регулярно смотрят, бывают и мужские смены. Так что проблема актуальна и для следственных изоляторов. Теперь мы имеем хорошую возможность эту практику оспаривать, ссылаясь на судебный прецедент в виде дела Седовой».

Пока переломить эту незаконную практику, нарушающую права заключенных женщин, в России не удастся.

«Далеко не каждый отдел полиции способен эти стандарты выдержать. А каждое такое нарушение по сути является нарушением обязательств России по Европейской Конвенции и потенциально может стать следующим обращением в ЕСПЧ с жалобой. И крайне важно развивать судебную практику внутри страны, четко показывающую эти нарушения. Это позволит приблизить осознание государством своих обязанностей и необходимости принятия мер — либо обеспечить все отделы всем необходимым для обеспечения стандарта длительного пребывания, либо отказаться от практики задержания на срок свыше трех часов. И в результате — работать на снижение рисков большого потока жалоб в ЕСПЧ. Дело Марины Седовой мы рассматриваем как важный кирпич в фундамент решения этой проблемы» — считает Наталья Таубина.

Добились власти успеха в том, что касается запрета публичных выступлений. Например, Марина больше не участвует в таких акциях: «Слишком большие штрафы светят», — говорит. Действи-

тельно, такие суммы отпугивают даже самых смелых: за нарушения правил проведения публичных акций для рядовых граждан теперь установлены штрафы в размере от 150 000 до 300 000 рублей, для должностных лиц — от 200 000 до 600 000 рублей. Также увеличены в несколько раз сроки административного ареста — до 30 суток.

Власти решили ударить рублем, и это сработало. Но только на первое время. За это Россия будет теперь расплачиваться уже в евро. Жалоба Марины Седовой направлена в Европейский Суд по правам человека. Если решение будет принято в пользу Седовой, то Россия заплатит за нарушения по совокупности нескольких статей (3, 5 и 13) Европейской Конвенции, а это уже совсем другие суммы. ■

ИНЕССА НОВИКОВА*Обозревателю Интернет портала Sochi.com,**специально для информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»*

Стоимость права на защиту от пыток

В Адлерском районном суде города Сочи рассматривали дело Мардироса Демерчяна — жителя Сочи, строителя олимпийских объектов, которого обвинили в «заведомо ложном доносе» на сотрудников Адлерского РОВД. Четверо из них, по словам Демерчяна, подвесили его на боксерскую грушу, избивали в боксерских перчатках, отбили ему внутренние органы, выбили передние зубы, а потом ввели ему в анальное отверстие металлический предмет — лом. Заявление об этом зарегистрировано в следственном отделе по Адлерскому району. Это заявление судья Александр Якименко признал «ложным доносом», а само-

чтобы запугать и не выплачивать зарплату», — говорит Мардирос. За работу на строительстве олимпийского объекта — гостиницы для волонтеров — ему так и не выплатили в полном объеме обещанную зарплату.

Как сообщил адвокат Демерчяна Александр Попков («Общественный вердикт»), дело было возвращено в районный суд для устранения «технических» недостатков. Такое решение принял Краснодарский краевой суд, проведя первое заседание по апелляционной жалобе.

Семья Демерчян после всего случившегося находится в бедственном положении. У них четверо детей, двое

из них — малолетние. Глава семьи нетрудоспособен. «У мужа постоянные головные боли и головокружения, частичная потеря памяти. Он не в состоянии даже забить гвоздь в доме, а что говорить о работе?» — рассказывает его жена Людмила. По ее словам, психолог, к которому они обращались, посоветовал Мардиросу официально оформить инвалидность, поскольку к этому есть все медицинские показания. Сама Людмила находится в отпуске по уходу за младшим ребенком, по ее словам, все остальные члены семьи также нуждаются в постоянном присмотре. Фактически семья Демерчян сегодня находится за чертой бедности.

Семья Демерчян после всего случившегося находится в бедственном положении. У них четверо детей, двое из них — малолетние. Глава семьи нетрудоспособен

го Демерчяна — виновным, и определил ему наказание в виде 300 часов исправительных работ. В отношении полицейских уголовное дело не было возбуждено, в суде они выступали как свидетели. Все они находятся на свободе и продолжают работать в правоохранительных органах.

Но, несмотря на судебное решение, Мардирос Демерчян и сегодня продолжает настаивать: полицейские из отдела «Блиново» пытали и истязали его, принуждая сознаться в краже кабеля со стройки, где он работал. «Кабеля я не крал, они обвинили меня для того,

Мардирос Демерчян с сыном. Адлерский районный суд Сочи

В ТЕНИ ОЛИМПИАДЫ

Судебный процесс начался прямо во время сочинской Олимпиады и не привлек большого внимания общественности, хотя сам факт пыток олимпийского строителя получил широкую огласку еще в 2013 году. Об этом рассказал Борис Немцов на «Эхе Москвы» и в своих интервью российским и зарубежным СМИ. «История с Демерчяном — это классический вариант того, как, покрывая преступления, власть создает почву для новых и новых преступлений», — говорил Немцов, выступая в Сочи со своим разоблачительным докладом об Олимпиаде. А потом Демерчяна обвинили в «ложном доносе», и в течение года состоялось более 25 судебных заседаний, каждое из которых становилось новой пыткой для него и его семьи. В ходе процесса по «ложному доносу» в качестве свидетелей методично опрашивали полицейских, которые, по словам Демерчяна, били и истязали его в течение нескольких часов. Мардирос, находясь в тяжелой депрессии, на грани нервного срыва, неизменно являлся на заседания суда вместе со своей престарелой матерью, женой Людмилой и малолетним сыном.

ПО ХОДУ ДЕЛА

Я присутствовала почти на всех заседаниях этого странного судебного процесса, и меня, как и всех остальных участников со стороны обвиняемого, не оставлял вопрос: почему это дело не прекратят? Зачем продлевать мучения человека, которому и так сломали жизнь, отняли здоровье?

На первых же судебных заседаниях выявились факты фальсификаций в материалах проверки, проведенной следователем следственного отдела по Адлерскому району А. Р. Семенцом. Семенец приобщил к делу показания Ольги Крымовой, главного врача стоматологической поликлиники № 2 в Адлере, где она якобы заявляет, что зубов у Демерчяна не было и до задержания. Врач, свидетельствуя в суде, опровергла эту информацию, официально заявив, что не могла этого сказать следователю, поскольку не владеет информацией, когда именно он лишился зубов: до или после посещения полиции. «Я не могу этого знать, поскольку он не проходил лечения в нашей поликлинике», — сказала она. Крымова также отметила, что следо-

После того, как М. Демерчян пожаловался в СК на пытки в полиции, уголовное дело завели на него самого

ватели никогда не ставили перед ней вопрос о том, когда именно были выбиты зубы у Демерчяна: до или после задержания. Врач сказала, что этот вопрос ею не исследовался. Свою подпись в материалах дела она не признала. Суд направил подписи, взятые у врача, и подпись из материалов дела на экспертизу.

торных карт Демерчяна, проходившего лечение в больнице № 4, а также протокол осмотра проктологом из Международного медицинского центра. По мнению адвоката Александра Бойченко, при проведении судебно-медицинской экспертизы следователь Семенец не поставил перед экспертом важных

Экспертиза подтвердила, что подпись в материалах дела поддельная. Но дело не было прекращено, а факт фальсификации подписи не нашел в суде никакой оценки

Экспертиза подтвердила, что подпись в материалах дела — поддельная и не принадлежит Ольге Крымовой. Это выяснилось практически сразу. Но дело не было прекращено, а факт фальсификации подписи не нашел в суде никакой оценки. Следователем не были представлены в суд выемки амбула-

вопросов, касающихся состояния здоровья Демерчяна. Не были опрошены свидетели, которые видели Демерчяна в день его задержания сотрудниками полиции Блиново, они вполне могли свидетельствовать о наличии или отсутствии у него передних зубов накануне задержания.

КАК ЭТО БЫЛО

В ходе суда было установлено, что ночь с 12 на 13 июня 2013 года строитель Демерчян провел в отделе полиции «Блиново». Его задержали и доставили туда якобы за кражу кабеля со стройки, где он работал. Накануне он неоднократно обращался к работодателю с требованием выплатить обещанную зарплату в полном объеме. По словам Мардироса, он никогда ничего не крал. В то же время известно, что работодатель Мардироса – генеральный директор фирмы – подрядчика олимпийского строительства – Толгат Купеев ранее уже был осужден Сочинским судом за угрозу убийством и причинение тяжкого вреда здоровью. Три года назад он избивал пистолетом и стрелял в рабочих, требовавших рассчитаться с ними за выполненную работу. Кроме того, ранее Адлерскому суду уже были известны акты незаконного содержания людей в Адлерском РОВД, суд признавал грубое нарушение уголовно-процессуального законодательства со стороны адлерских полицейских. Но эти факты тоже остались незамеченными.

В судебных заседаниях выясняли, где и при каких обстоятельствах задерживался Демерчян. И в этом вопросе между дававшими показания полицейскими возникли большие противоречия. В материалах проверки следователя Семенца речь шла о том, что Демерчяна задержали прямо на строительном объекте, где он, как им стало известно, крал кабель. Допрашиваемые свидетели – полицейские – рассказывали в суде, что задержали Демерчяна на улице, в общественном месте, за сопротивление сотрудникам полиции. И почти все они мало что помнили. Выступая в суде, почти ничего не помнил и сам следователь А. Семенец. Но выражал уверенность, что сотрудники полиции никаких «недозволенных действий» к Демерчяну не применяли. По его мнению, это подтвердила проверка на «детекторе лжи». Адвокат Александр Попков неоднократно требовал у суда предъявить ему для ознакомления расшифровку показателей полиграфа, или «детектора лжи», но получил отказ. «Детектор лжи», по сути, был единственным доказательством невинности полицейских. Но в деле не оказалось рабочих материалов полиграфа. «Текстовая расшифровка этих записей есть в материалах дела», – пояснил Алек-

Строитель олимпийских объектов Демерчян пока обустроить свой дом не может

сандр Попков, но в то же время выразил сомнения в их подлинности. «Только опытный полиграфолог может оценить эти записи, где фиксируются психофизиологические реакции человека при ответе на те или иные вопросы. Я убежден, что эти материалы необходимо направить на повторную экспертизу к независимому специалисту, поскольку все остальные материалы этой проверки внушают сомнения: уже выяснилось, что была фальсифицирована подпись врача-стоматолога Ольги Крымовой», — сказал А. Попков. Но материалы полиграфического исследования полицейских так и не были предоставлены.

По мнению Семенца, невиновность полицейских доказывал также осмотр места происшествия, где не было най-

даются кучей фактов, — считает Александр Попков. Человек попал в полицию, пробыл там почти сутки, уехал оттуда «скорой» в больницу с выбитыми зубами, кровоподтеком под глазом и сотрясением мозга». В ходе процесса врачи скорой помощи, а также Станислав Торопов, врач городской больницы № 4, куда доставили Демерчяна, подтвердили, что он был доставлен с диагнозом «сотрясение мозга» и нуждался в госпитализации. Впоследствии диагноз подтвердился. По мнению другого адвоката Демерчяна, Александра Бойченко, это дело абсолютно неправомерно. В нем нет потерпевшей стороны (истцы — сотрудники «Блиново» выступают как свидетели, а не как потерпевшие). А самое главное — нет объекта преступления, того, на что

Демерчян — «лжедоносчик», чем установить виновных в пытках», — считает адвокат Александр Попков.

А СУДЫ КТО?

В ходе процесса на одном из заседаний открылись странные обстоятельства рассмотрения этого дела сотрудниками адлерского суда. В сентябре прошлого года адвокат Демерчяна Александр Попков обратился к суду с двумя ходатайствами. Одно из них — это отвод секретарю суда Оксане Недорубан, искажающей свидетельские показания, второе — это требование вести аудиозапись для контроля над процессом. По словам Попкова, три месяца подряд суд отказывал ему в ознакомлении с протоколами судебных заседаний.

Через час Адлерский суд Сочи признает Мардироса Демерчяна виновным в ложном доносе на полицейских. Слева — Демерчян с матерью

дено ни боксерских перчаток, ни лома. Отвечая на вопросы адвокатов, следователь не смог пояснить, почему осмотр места происшествия проводился спустя 2 месяца после обращения Демерчяна с жалобой. Как выяснилось в суде, 12 июня 2013 года Демерчян был доставлен в отдел в 12.30, но зарегистрирован в дежурной части как задержанный только в 19.00. На каких основаниях он все это время находился не в комнате для задержанных, а в отдельном помещении без видеокамер? Ни один из полицейских блиновского отдела полиции не смог пояснить, как они обычно поступают с задержанными, обязательна ли их первоначальная регистрация. У суда это снова не вызвало сомнений.

ЗА ЧТО?

За что осудили Мардироса Демерчяна? В соответствии с судебной формулировкой он признан «лжедоносчиком». «Состав преступления — заведомо ложный донос. т. е. человек должен донести очевидную ложь. А в деле его слова подтвер-

Следователи СК не возбуждают дело в отношении полицейских. Проще объявить Демерчяна «лжедоносчиком», чем установить виновных в пытках

посягал подсудимый, подавая свою жалобу в правоохранительные органы о применении к нему пыток. Нарушения в действиях следователя, проводившего проверку, фальсификация подписи свидетеля являются неустраняемыми и фундаментальными, считает Бойченко. В то же время известно, что уголовное дело против полицейских не возбуждали изначально, и оно не возбуждено до сих пор. «Следователи СК не хотят возбуждать дело в отношении полицейских. Проще, конечно же, придумать, что

А когда он с ними все же ознакомился, выявились факты очевидных искажений.

Совокупность и систематичность искажений, вносимых в протокол секретарем суда Оксаной Недорубан, по мнению адвоката, позволяет сделать вывод, что она «искажает их не случайно или ошибочно, а осознанно и намеренно в пользу обвинения», — цитата из ходатайства. Суд под председательством А. С. Якименко в этом ходатайстве отказал. Он также отказал адвокату в ходатайстве о ведении в зале фото- и видеосъемки. ■

ГРИГОРИЙ ТУМАНОВ*«Коммерсант», специально для информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»*

Противодействие пыткам

НЕЭТАЛОННАЯ ИСТОРИЯ

«Если я закрою глаза, то проблема исчезнет», «Я никого не вижу — меня никто не видит» и, наконец, «Нет человека — нет проблемы». Эскапизм — всегда не лучший способ разбираться с проблемами, но одно дело, когда речь идет, скажем, о невымытой посуде, а другое — когда активно жмурят глаза представители государства, всеми силами старающиеся не замечать нарушения закона.

Дело Умиджона Абдухафизова — ярчайший пример такого государственного эскапизма перед типичным маленьким человеком. Его биография — одна среди тысяч таких же в Таджикистане, не отличишь одну от другой: родился в 1977 году, поехал на заработки в Россию, временно осел в холодном Иркутске, устроился поваром в одно из местных заведений. Классика. Риски в жизни мигранта тоже, в общем, типичные: кинул работодатель, отняли документы, поселили не в обещанную квартиру, а в подвал, пристали на улице полицейские.

Даже сама история его встречи с полицейскими звучит типично для здешних широт: 27 августа 2013 года Абдухафизова задержали патрульные. Все как обычно: «Поехали, разберемся, все на месте узнаешь». Забегая вперед: истинные причины задержания установить не удалось до сих пор. Оказавшись в ОВД, повар из Таджикистана моментально лишился всего, что было в его карманах: заработанные и тщательно откладываемые 75 тысяч рублей, два мобильных телефона, дебетовая карта. Забрав у недоумевающего задержанного все ценное, полицейские отвели его в камеру. Так прошло несколько часов. Вскоре в «обезьянник» зашел один из тех, кто задерживал Абдухафизова. И тут история снова не делает никаких неожиданных поворотов: ему нужны были деньги, а если точнее, то пин-код от пластиковой карты. Абдухафизов отказался говорить что-либо и, сам того не ведая, обеспечил себе (цитирую по медицинским документам) «ушиб головного мозга с субарахноидальным кровоизлиянием, перелом свода и основания черепа, ушибы мягких

тканей головы и подвздошной области». Мигранта били сначала резиновой палкой, потом тыкали в него электрошокер, затем спецсредства чередовались, потом в ход шли руки и ноги, а затем снова шокер. Он терял сознание, приходил в себя, его увозили в больницу, потом привозили обратно и продолжали так трое суток — перечислять можно через запятую, разнообразия все равно не будет. Сколько таких историй рассказывают друг другу мигранты из Средней Азии, оказавшиеся в России? Десятки? Сотни? Сколько таких историй в две-три строчки с незнакомыми русскому уху именами, тонущих в информационных сводках, выцеплял ваш глаз, когда вы проглядывали новостные сайты?

Но история Абдухафизова перестает быть эталонной историей о насилии над мигрантами с 17 сентября 2013 года. Он обратился к правозащитникам из «Общественного вердикта» и попросил их помочь ему восстановить нарушенные полицейскими права. Как минимум,

С января по декабрь 2014 года против иностранцев в России было совершено 14 тысяч преступлений

добиться их уголовного преследования. С этого момента началась не самая привычная для среднестатистического мигранта череда событий: письма следователям, визиты в Следственный комитет, жалобы, консультации с юристами, отказы, ходатайства, бумаги, бумаги, бумаги.

Если зайти в «Яндекс» и набрать «преступления против мигрантов», то вы долго будете искать хоть какие-то цифры по делу, вместо этого вы прочтаете десятки заявлений и статей о том, как полицейские поборолы преступность среди мигрантов, о том, сколько преступлений совершают мигранты и почему статистика раскрываемости из-за них портится. Например, вот что в 2014 году

говорил глава Следственного комитета Александр Бастрыкин: «Немалая доля преступлений против детей на совести граждан ближнего зарубежья, и здесь лицемерить не надо». Ранее он заявлял, что рост экстремизма и конфликты на межнациональной почве — это социальный отклик на растущую преступность среди выходцев из стран ближнего зарубежья. Напомню еще, что Бастрыкин уже давно добивается полного дактилоскопирования всех мигрантов, прибывающих в Россию, и сбора геномной информации.

При этом четко понять, сколько преступлений было совершено в отношении самих мигрантов, даже из официальной статистики довольно непросто.

Дело в том, что в том же МВД учитывают их как «преступления против иностранных граждан», а в эту категорию могут быть занесены и туристы из Европы. Но и эти данные красноречивы. Например, с января по декабрь 2014 года против иностранцев в России было совершено 14 тыс. преступлений. Как говорят в министерстве, это выше показателей предыдущего года на 6,1%. А вот статистика за январь 2015 года: 1,2 тыс. преступлений, что на 33,3% выше прошлогодних показателей за тот же период.

Если совсем огрублять, то получается, что негативно к мигрантам относятся как так называемые гражданские, делающие МВД вот такую статистику (а порой и сами полицейские), так и те, кто должен все это расследовать. Могу только догадываться, что следователи говорили друг другу, когда Абдухафизов принялся бомбить их жалобами и ходатайствами.

Мигранты — это такие люди, которые вроде есть, а вроде их и нет, когда они не нужны. Глупо думать, что как-то по-другому к ним могут относиться чиновники. Во всяком случае, государство предпочло не видеть Абдухафизова. В буквальном смысле: 8 декабря 2014 года он в очередной раз пришел к следователю. И, вырвавшись из этой мигрантской Сансары, он вряд ли ожидал снова столкнуться с представителями ее мира снова: посреди опроса в кабинет вошли сотрудники ФМС. Они сообщили Абдухафизову, что он обвиняется в административном правонарушении, так как не продлил свое право на проживание в России. Правда, сделать он этого действительно не мог: полицейские отобрали у него паспорт, а на его восстановление ушло слишком много времени. То есть с момента выхода из ОВД в августе 2013-го Абдухафизов для государственной машины формально перестал существовать. А затем государство решило привести факты в соответствие с формальностями и убрать Абдухафизова с глаз долой.

Абдухафизова удалось отстоять. Уже 9 декабря суд прекратил производство по административной статье и оставил мигранта в России. А в январе этого года юристы «Общественного вердикта» помогли своему подзащитному подать иск к государству за попытку незаконной депортации. С государства (в качестве ответчиков выступают Минфин, ФМС, Следственный комитет) Абдухафизов требует взыскать 1 млн рублей. И рассмотрение начнется в ближайшее время.

Это, безусловно, банальнейшая из метафор, но именно так и произошло: государство старательно закрывало глаза на Абдухафизова, но тот боролся и становился той самой соринкой под веками, не дававшей их сомкнуть. Игнорировать его пытались с самого

употребивших своим положением сотрудников полиции, неоднократно отказывая в возбуждении уголовного дела по надуманным основаниям» — из записей Святослава Хроменкова, члена ОНК Иркутской области. Чтобы обжаловать бездействие следователя, Абдухафизо-

С момента выхода из ОВД в августе 2013 года Абдухафизов для государственной машины формально перестал существовать. А затем государство решило привести факты в соответствие с формальностями и убрать Абдухафизова с глаз долой

Умиджон Абдухафизов намерен и дальше добиваться справедливости в суде

начала. Еще когда он пожаловался на пытки самостоятельно, следствие старалось упорно его не замечать. «Спаянная корпоративной солидарностью, при наличии зафиксированных телесных повреждений, показаний свидетелей, объяснений потерпевшего, очевидности факта незаконности содержания заявителя в не приспособленных для этого условиях, следователь не желает возбуждать уголовное дело в отношении превысивших свои полномочия и зло-

ву и правозащитникам тоже пришлось попотеть. Материалы проверки для ознакомления сотрудники СК не предоставляли, запросы игнорировались, а все необходимые бумаги им удалось получить только в мае 2014 года.

Дело Абдухафизова — большая редкость. Человек, которого в глазах государственной машины не существует, решил бороться, и пока у него это с трудом, но получается. Он просто не дал государству закрыть на себя глаза. ■

МАРИНА ЛЕПИНА

Лента.ру, специально для информационно-аналитического бюллетеня Фонда «Общественный вердикт»

Градус унижения

Житель Иркутска Василий Давыденко попадал в места не столь отдаленные уже несколько раз. Последний срок, в колонии строгого режима ИК-6 по Иркутской области, он отбыл 17 января 2014 года — сидел за разбой и кражу шесть лет. В марте Василию позвонил приятель из колонии, которого Давыденко знал по имени Саша. Саша попросил друга привезти ему дрожжи, спирт и сотовые телефоны.

Как позже рассказывал следователям сам Давыденко, его предупредили, что у стен колонии к нему подойдет человек и примет у него «гостинец». Давыденко со своей подругой приехал на такси к колонии и начал ждать, сидя в салоне авто. Только посредника он не дождался — вместо этого к машине подъехали два автомобиля, из которых вышли сотрудники колонии.

Давыденко забрали в штаб колонии. Когда он сидел за столом и писал объяснительную, в кабинет пришел заместитель начальника колонии по безопасности и оперативной работе Сергей Панютин.

Оба уже знали друг друга. Поведение бывшего «зэка» разозлило ФСИНовца. Как говорится в материалах уголовного дела, «без оснований для применения физической силы», «чувствуя свое физическое превосходство, совершая действия, явно выходящие за его полномочия, демонстрируя свое превосходство над Давыденко, понимая, что его действия кроме физической боли приносят моральные страдания», Панютин начал избивать задержанного. Бил сначала кулаком по голове, а потом и разделочной доской.

Били задержанного для того, чтобы тот написал другие показания: признался, что планировал совершить «перекид» — перебросить вещи через забор на территорию колонии. Хотя сам Давыденко утверждал, что ничего кидать за забор не собирался. Замначальника колонии Панютин, по словам Давыденко, был нетрезв: «качался, от него исходил запах алкоголя».

Сергей Панютин пытался выяснить у задержанного, кому он перебрасывал «посылку». Способ «выбить показания»

оказался «гастрономическим»: замначальника колонии заставил Давыденко выпить одну из бутылок со спиртом. «Спирт я пить отказывался, тогда Панютин приказал держать меня за руки», — сообщил пострадавший следователям. Правда, работники колонии все же испугались, что жертва может захлебнуться, и дали Давыденко выпить бутылку самостоятельно. Дали и вторую, но тот пить опять отказался, тогда Панютин вылил спирт задержанному на голову.

Потом Панютин поджег крышку со спиртом от бутылки и бросил ее в Давыденко. Спирт мгновенно вспыхнул.

«Общественный вердикт» с просьбой о юридической помощи. По имеющейся информации, сразу же после инцидента Сергей Панютин уволился из колонии, а за ним подал заявление об уходе и начальник отдела безопасности.

«СКАЖЕМ, ЧТО ЛИЧНЯКОВКА»

В эти же дни состоялся любопытный разговор Панютина с Потаповым. «Скажем, что задержали, привели, спирт отобрали, документы подписал и ушел. И больше его никто не видел. На хрен он никому не нужен был, — предлагал

Зачем один из руководителей колонии поджег человека? Показания Панютина разнятся: то он говорил, что кидал крышку в рядом стоящую урну, то утверждал, что злился на Давыденко и кинул крышку в него

Огонь успели потушить, в отделе началась паника, с Давыденко начали сдирать горящую одежду — дубленку, свитер, поливать водой. Тем не менее Давыденко получил ожоги I–II–III степени — 10 процентов поверхности тела. Правда, по словам пострадавшего, огонь на нем не тушили, это он сам бросился на пол и стал пытаться сбить пламя, снимать одежду. Потом уже оперативники выкинули еще горевшие тряпки в коридор, отчего сработала пожарная сигнализация.

Уполномоченный оперативного отдела колонии Потапов повез погорельца на служебной машине в больницу. Бывший заключенный провалялся на больничной койке больше недели. А когда выписался, написал заявление о преступлении и обратился в Фонд

замначальника колонии. — И меня вообще там не было. А то, что он на меня что-то говорит, то у него личное было по предыдущему сроку». — «Личняковка?» — «Ну да». — «Бывает».

Прослушку телефонов Панютина организовали еще раньше, с 2013 года. Именно тогда оперативники выяснили, что замначальника колонии «организовал канал поставки в колонию запрещенных предметов и наркотических средств, за что получает денежное вознаграждение». Панютин, по оперативным данным, подружился с местным лидером, осужденным Смирнухой, с которым у них обнаружился еще и общий интерес к алкоголю. Возможно, Давыденко создал для Панютина ненужную конкуренцию, пытаясь передать заклю-

ченными нужными вещами, поэтому и вызвал гнев сотрудника колонии.

В дальнейших переговорах Сергей Панютин просит отправить к Давыденко «терпилу»: «Пусть скажут ему, что из колонии выйдут и хвост ему прижмут».

Панютин волновался: дело в том, что история с поджогом Давыденко всплыла сразу после «канители в Плишкино» (колония-поселение № 4 в соседнем поселке), где поймали двух перебросчиков и «окунули их в парашу». В итоге один замерз на автобусной остановке, а второй попал в реанимацию с лопнувшим мочевым пузырем. «И вот на их фоне как бы мы следом», — говорит Панютин в телефонном разговоре своему коллеге.

НЕОЖИДАННЫЙ ФИНАЛ

Следственный отдел по Свердловскому району Иркутска предъявил Сергею Панютину обвинение в превышении должностных полномочий с применением насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Фонд «Общественный вердикт» подчеркивал, что расследование дела велось сложно. Следственные органы отказались отпра-

тина разнятся: то он говорил, что кидал крышку в рядом стоящую урну, то утверждал, что злился на Давыденко и кинул крышку в него, заметив, что тот принес фальшивку, которая даже не горит. Однако, как бы там ни было, человек в кабинете вспыхнул факелом.

На очной ставке с Василием Давыденко Сергей Панютин заявил, что слова не совсем точны: он его не бил, а вот спиртом действительно облил, потому что разозлился, слушая рассказы рецидивиста о том, как тот ранее занимался «перебросами». Но поджигать его не собиравшись, а крышку, мол, действительно швырнул в урну — да промахнулся.

«Умысла поджигать Давыденко у меня не было, — утверждал Панютин на допросах. — Действительно, я обливал его спиртом, так как хотел наказать его за то, что он пытался перебросить спирт на территорию колонии. Хотел его проучить».

Сергею Панютину избрали меру пресечения в виде домашнего ареста. Правда, вскоре его пришлось объявить в розыск: на одно из заседаний суда бывший сотрудник колонии не явился, по месту жительства судебные приставы его так-

данным экспертов, и наступила смерть. Каким образом и где Панютин получил травму, не ясно. Учитывая факты злоупотребления алкоголем, возможно, подполковник упал где-то на улице, дошел до дома и умер уже в кровати. Во всяком случае, расследования причин смерти подсудимого не проводилось. Дело же по обвинению Панютина в превышении должностных полномочий с применением насилия было закрыто за смертью обвиняемого.

«В СИСТЕМУ ПРИХОДЯТ РЕАЛИЗОВЫВАТЬ СВОИ ИНТЕРЕСЫ»

Василий Давыденко обратился с гражданским иском, пытаясь возместить причиненный вред. Судебное следствие началось в декабре 2014 года. Последствия незаконных действий сотрудника колонии потерпевший оценил в 3 млн рублей. Иск подан к правительству РФ и к администрации колонии — с каждого ответчика Давыденко требует по 1,5 млн рублей. «Мы, в общем-то, не надеемся, что суд выплатит такие суммы, — говорит Святослав Хроменков. — Скорее, наша позиция носит устрашающий характер. Мы хотим, чтобы потом другим неповадно было так поступать с людьми».

Святослав Хроменков отмечает, что в правоохранительных органах работают разные люди, и есть те, кто честно служит десятки лет. «Мы, участвуя в работе ОНК, стараемся поддерживать таких сотрудников, говорить о них, — отмечает юрист. — Но в целом система коррумпирована, и часто туда приходят и такие, чьи насильственные действия носят немотивированный характер». По мнению Святослава Хроменкова, условия отбора в правоохранительные органы сейчас ужесточились, но фактически не работают.

В истории Давыденко была нарушена статья 3 Европейской Конвенции о защите прав человека, которая запрещает пытки и бесчеловечное обращение. «Никто не должен быть подвержен издевательствам, вне зависимости от того, кто этот человек, — говорит Святослав Хроменков. — По Конституции России у нас всеобщее равенство, законы должны соблюдать все и в отношении любого человека. Ни у кого нет привилегий. Однако некоторые представители правоохранительной системы злоупотребляют своим положением. Закон не должен существовать только на бумаге.»

Василий Давыденко обратился с гражданским иском, пытаясь возместить причиненный вред. Последствия незаконных действий сотрудника колонии потерпевший оценил в 3 млн рублей

вить копию постановления о возбуждении уголовного дела потерпевшему, не допускали юристов в качестве представителей потерпевшего, ссылаясь на то, что представители уместны в уголовном судопроизводстве, а сейчас пока — только предварительное следствие. В то же время Святослав Хроменков, юрист Фонда «Общественный вердикт», представляющий интересы Василия Давыденко, отмечает, что ГУФСИН по Иркутской области пошло навстречу в ходе расследования, помогло вскрыть нарушения со стороны администрации колонии.

Зачем один из руководителей колонии поджег человека? Показания Паню-

же не нашли. Но вскоре подсудимый нашелся. Панютин заявил, что перепутал даты судебных заседаний, но никуда не уезжал, а был у себя дома. Дверь же приставам не открывал, потому что спал.

Однако судебное следствие так и не было доведено до конца. Подполковник Панютин совершенно внезапно умер. В июле 2014 года бывший заместитель начальника по безопасности и оперативной работе ИК 272/6 был обнаружен мертвым в собственной квартире. Как отмечает Святослав Хроменков, Панютин нашли на кровати под одеялом. При этом у него была зафиксирована черепно-мозговая травма, от которой, по

Порядок обращения граждан в Фонд «Общественный вердикт»

Фонд «Общественный вердикт» оказывает правовую и информационную помощь гражданам, чьи права были нарушены сотрудниками правоохранительных органов. В частности, Фонд принимает к рассмотрению дела о незаконном задержании, применении пыток, жестоком или унижающем обращении и т. д.

Если, по вашему мнению, имело место нарушение ваших прав или прав ваших родственников или близких сотрудниками правоохранительных органов (органов МВД, прокуратуры, следственных органов), вы можете получить в Фонде:

- юридическую консультацию,
- адвокатскую помощь,
- информационную и правовую поддержку,
- психологическую помощь.

Для этого необходимо написать заявление на имя директора Фонда в произвольной форме, подробно описать ситуацию, при которой были нарушены права (когда, где, кем, при каких обстоятельствах).

В заявлении нужно указать, какую именно помощь вы хотели бы получить от Фонда, и ваши контактные данные (ФИО, адрес, телефон, e-mail). Очень важно приложить к заявлению копии документов, которые подтверждают ваши сведения (например, медицинские документы, если вам или вашим близким были причинены телесные повреждения и вы обращались за медицинской помощью, копии жалоб, ответы официальных структур, если вами уже обжаловались неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов.

Помимо заявления необходимо заполнить (обязательно письменно, от руки) форму согласия на обработку и использование ваших персональных данных, которое предоставляется в соответствии с требованиями федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных». Заполненную и подписанную форму необходимо приложить к заявлению. Форму заявления можно получить в Фонде.

Для рассмотрения дела Правлением и принятия дела в производство заявление и согласие должны быть представлены в распечатанных оригиналах, за личной подписью заявителя. Это можно сделать непосредственно в офисе Фонда.

Документы будут изучены в правовом отделе и, в случае, если изложенные события подпадают под компетенцию деятельности Фонда, материалы будут вынесены на рассмотрение Правления Фонда. Правление примет окончательное решение и направит вам ответ.

Юридическая помощь, которая может быть оказана после рассмотрения вашего заявления, заключается в представлении ваших интересов непосредственно сотрудниками правового отдела Фонда или адвокатом, который будет приглашен Фондом.

По делам, которые одобрены Правлением, осуществляется информационная поддержка. Фонд также ведет программу психологической и социальной помощи пострадавшим от пыток, жестокого и унижающего обращения. Укажите в заявлении, нуждаетесь ли вы в психологической помощи.

Фонд «Общественный вердикт» оказывает помощь безвозмездно и работает на всей территории Российской Федерации.

Заявление и согласие нужно направить по электронной почте на адрес: info@publicverdict.org (в виде электронных документов) и по обычной почте на адрес: Россия, 119017, г. Москва, Пыжевский пер., д. 5. стр. 3.

Контактный телефон: (495) 951-1201

Что такое «Общественный Вердикт»?

Фонд «Общественный вердикт» создан в феврале 2004 года и действует как неполитическая некоммерческая организация, оказывающая правовую помощь по защите прав человека гражданам, пострадавшим от неправомерных действий российских правоохранительных органов.

Среди учредителей фонда — известные российские правозащитные и благотворительные организации — Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»; Московская Хельсинкская группа; МОО «Открытая Россия»; Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева); Фонд «Регионы России».

Целью фонда является формирование в стране атмосферы нетерпимости к практике нарушения прав человека правоохранительными органами. Фонд добивается создания гражданского контроля за их деятельностью.

Фонд оперативно информирует общественность обо всех установленных фактах нарушений прав человека.

Наталья Таубина, директор Фонда «Общественный вердикт»: «Мы стремимся помочь людям защитить свои права и хотим, чтобы и граждане, и власть руководствовались нормами закона, а такое понятие, как «произвол», стало бы употребляться в качестве характеристики российской действительности как можно реже».

Стратегические цели Фонда «Общественный вердикт»

- укрепление гарантий защищенности граждан и соблюдения их прав и свобод;
- развитие и укрепление эффективных механизмов гражданского контроля за деятельностью правоохранительных органов;
- лоббирование комплексной и системной реформы правоохранительных органов, в основе которой должны лежать принципы и стандарты прав человека; такая реформа должна быть основана на согласованных и усиливающих друг друга действиях по изменению принципов управления и оценки работы полиции, кадровой политики, профессиональной подготовки;
- внедрение новых профессиональных стандартов, признанных на международном уровне, в работу правоохранительных органов;
- внедрение и распространение системы комплексной реабилитации (восстановления) пострадавших от нарушений прав человека со стороны правоохранительных органов, включающей действия по признанию факта нарушений прав человека, наказание виновных, выплаты компенсации пострадавшим и психосоциальную реабилитацию пострадавших.

На помощь со стороны Фонда могут рассчитывать граждане, чьи права и свободы были незаконно нарушены правоохранительными органами.

www.publicverdict.org

